

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРОПОЛИИ

18+

ВИКТОР ТОЧИНОВ
ЗАЩИТА КОВАЧА

FUTURE CORP.

Метро

Виктор Точинов

Метро 2035: Защита Ковача

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Точинов В. П.

Метро 2035: Защита Ковача / В. П. Точинов — «Издательство АСТ», 2019 — (Метро)

ISBN 978-5-17-119688-2

Идет война, жестокая и беспощадная, – правых и виноватых в ней нет. Военные, прожившие двадцать лет на подземном объекте, боятся за то, чтобы возродить хоть какое-то подобие прежнего мира, рухнувшего в Катастрофе. Их противники, выживавшие на поверхности и изуродованные мутациями, боятся за свое право жить как жили: их уклад и обычаи кажутся дикими и кровавыми, но именно они помогли спастись, уцелеть в постыдном хаосе. И неизвестно, можно ли было уцелеть иначе. Однажды военные захватывают и доставляют на базу молодую девушку, на первый взгляд совершенно обычновенную. Но в этом мире у всех есть свои секреты, и она не совсем та, кем кажется... Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119688-2

© Точинов В. П., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Точинов

Метро 2035: Защита Ковача

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

© Глуховский Д.А., 2017

© Точинов В.П., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Этого дня они ждали двадцать два года. На самом деле чуть меньше, не дотянули до годовщины несколько месяцев, но откладывать выход наружу на середину лета лишь ради красивой даты Полковник не стал. Он имел склонность к внешним эффектам, но не в ущерб делу.

Яркий свет заливал тоннель – в дополнение к штатному освещению ради торжественного момента подтянули еще и пару прожекторов. Обычно на освещении экономили, берегли и электроэнергию, и лампы (запас их был велик, но все же не бесконечен), – но только не сегодня.

По-хорошему должен бы звучать сейчас оркестр, но оркестра у них не было, – запись гимна доносилась из динамиков.

Когда-то эта запись служила будильником, каждое утро поднимая обитателей Базы, в рабочие дни в шесть утра, в выходные и по праздникам на два часа позже. Но лет пятнадцать назад случилась эпидемия самоубийств, и по настоянию доктора Рымаря гимн перестали применять для побудки, заменили на бодрые жизнеутверждающие шлягеры. Насколько действенной оказалась та давняя мера, неизвестно. Эпидемия и в самом деле пошла на убыль, затем и вовсе прекратилась, но причины тому могли быть другие: например, произошел естественный отбор и бойцы, склонные к депрессии и суициду, попросту закончились.

Под звуки гимна Ковач поглядывал на застывший строй не то чтобы с тревогой, но по привычке, – ему, как главному особисту, полагалось приглядывать за всем и за всеми, не оставлять без внимания даже мелкие события, способные обернуться большой бедой.

Но нет, стоят спокойно, никто не хватается за оружие, чтобы выстрелить в голову себе или соседу. Хреновый все-таки из Рымаря психолог…

Доктор двадцать лет занимался самообразованием и превратился из гарнизонного костоправа, склонного к выпивке, в специалиста широчайшего профиля, мог хоть зуб запломбировать (и пломбировал), хоть роды принять (и это доводилось делать). Но во всех освоенных медицинских дисциплинах, что греха таить, стал он специалистом хреновеньким, на троечку с минусом. Иначе и не бывает, если изучать предмет самоучкой, по книгам, без наставников-профи, руководящих первыми практическими шагами. Да и склонность к выпивке никуда не подевалась, а она росту профессионализма не способствует.

Зато Ковач не был особистом-самоучкой. Старая гвардия, старая закалка. Принесла нелегкая из штаба округа с проверкой на объект, проверить сигнал о хищениях казенной тушеники в особо крупных размерах (не подтвердившийся, кстати), – так и застрял здесь, когда грянуло.

Гимн отзвучал. Полковник шагнул к микрофону – дородный, седой, одышливый. Было ему под семьдесят, но здесь, под землей, юнцов вообще не осталось. Даже сопливым солдатам-срочникам, ушедшим в штолни, сейчас в районе сороковника, офицеры еще старше. Самому Ковачу недавно стукнуло пятьдесят четыре, стариком он себя пока не ощущал, но понимал: обратный отсчет идет, песка в песочных часах остается все меньше.

Если не считать четверых детей, родившихся здесь (выжили двое), то самый молодой Кирилл Званцев по прозвищу Малой, – сын Полковника. Угодил он на Базу четырехлетним дошкольником Кирюшей, а сейчас первый зам отца, можно сказать, наследный принц, – подземная жизнь давненько идет не по Уставу, и власть у Полковника вполне самодержавная. Ковач даже мысленно не возражал против передачи командования Базой по наследству. При своем регентстве, разумеется, в одиночку мальчишка власть не удержит, тут хватка волчья нужна… Не возражал, но все же надеялся, что хоть на пяток лет Полковника еще хватит. Выход на поверхность и обустройство там – не тот момент, когда уместны все пертурбации, связанные со сменой командира.

Речь начальника особист слушал вполуха. Известные вещи: об их священном долге в деле возрождения цивилизации... Разумеется, они представляли, что творится снаружи, по крайней мере в ближних окрестностях, какой раздрай и бардак. Сначала были лишь короткие вылазки – недалеко и ненадолго, в костюмах радиационной защиты. Но уровень радиации неуклонно падал, и в последний год Филин, глава разведчиков, провел снаружи времени чуть ли не больше, чем на Базе.

Закончил Полковник патетически: победа будет за нами!

Ковач мысленно кивнул: дураками они будут, если просрут победу, – с такими-то ресурсами. За спиной – многокилометровые штольни, где некогда добывался горючий сланец. Они превращены в подземные склады госрезерва, ломятся от запасов всех видов: там и оружие, и боеприпасы, и провиант длительного хранения, и обмундирование, и ГСМ, и даже техника в консервационной смазке... Государства не стало, и охранники сокровища превратились в его владельцев.

Их осталось восемьдесят шесть человек, хотя под землю ушло свыше трех сотен, считая офицерские семьи. Но были попытки бунта, была эпидемия самоубийств, были болезни, с которыми Рымарь не смог справиться. И был Раскол.

Вновь заиграл гимн. Огромные металлические створки поползли в стороны по направляющим. Внутрь немедленно устремились солнечные лучи, время церемонии специально подгадали так, чтобы добровольные узники подземелий первым делом увидели солнце, – никто, кроме выходивших наружу разведчиков Филина, двадцать с лишним лет не видел светила... И свежим, не прошедшим многократное рекондиционирование воздухом никто не дышал, а он немедленно ворвался в тоннель вслед за солнечным светом – пьянящий, наполненный смесью самых разных запахов, никакого сравнения со стерильной и мертвенною атмосферой Базы.

Проектора погасли. Штатные лампы тоже. В живом свете, залившем тоннель, Ковач заметил, какие мертвенно-бледные у всех лица, а только что выглядели нормальными при галогеновом белесом освещении. Черные очки, надетые на всех без исключения, еще сильнее подчеркивали эту бледность, и Ковачу пришла дурная мысль, что он стоит в толпе мертвцов, отчего-то сохранивших способность ходить и говорить, и сам тоже мертвец, что все они умерли и сами того не заметили.

Затем произошло ожидаемое (Ковачем ожидаемое, по крайней мере) – резкое и спонтанное падение дисциплины. Все устремились наружу, не дожидаясь команды и не оглядываясь на начальство. Да и само начальство с Полковником во главе не пыталось остановить и привести в разум подчиненных, тоже потопало вперед, к распахнувшимся воротам, ведущим в огромный и настоящий мир... Слишком долго все ждали этого дня.

Семьдесят девять человек, собравшихся у выхода, на какое-то время превратились в неуправляемую толпу – и могли погибнуть все разом, если бы снаружи поджидали враги, готовые к атаке и жаждущие поживиться громадными подземными запасами. Но снаружи нес вахту Филин с пятеркой своих бойцов при двух пулеметах – Ковач подстраховался от неприятных сюрпризов. Не стоило считать, что о сокровищах Базы никто не знает или все позабыли.

Раскольники точно помнят... Хоть и забрали очень многое, уходя, но то была лишь малая доля от хранившихся в штолнях богатств. Хотя неизвестно, чем обернулось воплощение их идеи-фикс: не дожидаясь окончательного снижения уровня радиации, быстрым маршем выбраться из зараженного района. Может, все загнулись от лучевки. Но если живы, то способны на любую пакость, Раскол происходил не очень мирно, едва-едва дело до стрельбы не дошло... После ухода отщепенцев главный выход перекрыли, обрушили взрывами своды тоннеля, избегая неприятных сюрпризов. Пробили новый, времени у них хватало, они и без того постоянно долбили скальную породу, расширяя Базу, – от безделья под землей живо съедешь с катушек. Хотя и без того с психикой сейчас у личного состава не очень, в былье времена половину комиссовали бы как непригодных к службе.

...Полковник и снаружи повел себя патетично. Опустился на колени (Ковач отметил, что движение неловкое, старческое), поцеловал землю, вернее, растущую на ней молодую траву. Поднялся таким же старицким движением, по лицу текли самые натуральные слезы. Особист бросил быстрый взгляд на Малого, на лице у того явственно читалась досада и неловкость за поведение отца, – и Ковач удовлетворенно кивнул своим мыслям.

Остальные реагировали не столь пафосно, но их тоже зацепило, что уж скрывать...

Потом был банкет в большом и ярко освещенном зале, тоже выдолбленном уже при подземном житье, на былых складах не имелось помещений такого размера. Вообще-то Полковник относился к распитию строго, понимал, что пьянка еще опаснее, чем безделье. Но сегодня не поскупился. Пили открыто и вволю, и не технический либо медицинский спирт, – коньяк, бывший пятнадцатилетним еще в те далекие времена, когда его закладывали здесь на хранение.

Рымарь, раскрасневшийся от выпитого, приставал к Филину:

– Ну теперь-то доставиши мне хоть несколько экземпляров? У меня аж слони текут от твоих рассказов...

Доктор не впервые просил командира разведчиков доставить с поверхности образцы новой, невиданной ранее фауны, но каждый раз получал отказ: Полковник, дескать, разрешил лишь наблюдение, крайне осторожное, а любые биологические образцы запретил доставлять на Базу.

А у Рымаря была теория: наверху вместе с обычным ядерным оружием применили какое-то новое, ранее не известное, воздействующее на генетику, – слишком уж много расплодилось жизнеспособных мутантов, не похоже, что причина лишь в радиации. Целились, разумеется, в людей, но и животный мир зацепили. И растениям досталось, и грибам, и прочим простейшим. Доктор очень хотел найти подтверждение своим идеям.

Филин лишь пожал плечами. Начальство, мол, прикажет – доставим. Болтливостью он не отличался, слова клещами не вытянешь. Зато его заместитель с позывным Самурай говорил за двоих.

– Доставим в лучшем виде, пан эскулап, – сказал Самурай. – Не за так, понятно, придется тебе на спирт медицинский расщедриться, не обессудь.

– Да не вопрос! – бодро откликнулся Рымарь. – Но тогда уж и несколько человек доставьте из местных, кто самим интересным покажется.

Тут у Филина прорезался голос, и он произнес:

– Запомни, доктор: людей наверху не осталось. Мутанты. Двуногие животные.

Глава 1

Город мертвый любви (е2-е4)

Рассвело, и утро выдалось погожее, но город от того приятнее выглядеть не стал.

Все так же громоздились неровные плиты асфальта, взломанный корнями разросшихся за двадцать лет деревьев – разросшихся прямо-таки на удивление, Самураю казалось, что даже быстро растущие тополя не успели бы так подняться за два десятилетия. Но деревья незнакомой ему породы (тоже мутировавшие?) сумели вымахать так, что стали чуть ли не в обхват толщиной, – но не тянулись к небу, как нормальные сосны или дубы прежних времен. Пере-крученные, чуть ли не морским узлом завязанные стволы напоминали крючки и петли неведомого алфавита.

Здания – одни полуразрушенные, другие относительно целые – пялились на мир бельмами окон, лишившимися не только стекол, но зачастую и рам. Впрочем, некоторые окна были наглухо заколочены досками – верный признак того, что кто-то пытался там выживать даже после того, как все пошло вразнос. Изредка в оконном проеме поблескивал на утреннем солнце чудом уцелевший осколок стекла, и у Самурая тотчас же срабатывал рефлекс на опасность. Рефлексу он воли не давал – некому тут целиться в них через оптический прицел или хотя бы наблюдать в бинокль за продвижением группы. Оптика на много верст вокруг есть только у своих, да и то военная, близко не дающая.

А местные вооружены старыми дробовиками и карабинами, тоже не новенькими. Скорострельного оружия у них нет, да и нужды в нем нет при тотальном дефиците патронов. И сколько трофейных карабинов ни попадало Самураю в руки, ни одном ничего сложнее коллиматорного прицела не стояло. Если и была когда-то охотничья оптика, давно все расколотили.

Но рефлекс штука живучая, ему ни почем четверть века, что миновала с последней настоящей войны, на которой побывал Самурай. И он, рефлекс, настойчиво требовал залечь при каждом блике в высаженных окнах.

По-простому, без оптики, выстрелить в спину здесь вполне могли. И, случалось, стреляли. Местные мутанты в городе предпочитали не селиться: кирпичные и бетонные коробки многоэтажек мало пригодны для жилья, когда накрывается вся обеспечивающая в них жизнь инфраструктура: водопровод, электричество, канализация… Не жили, но порой засекали за добычей. Большие склады давно разграблены, но мародеры и сейчас отыскивают нетронутые квартиры либо подсобки крохотных магазинчиков, без трофеев не уходят. Занимаются этим промыслом самые отмороженные, в чужаков стреляющие без раздумий, без особой причины, просто чтобы те не выстрелили первыми.

Самурай тоже не любил бывать в мертвом городе. Да и смысла в том не видел: с их запасами искать добычу в уцелевших от грабежа квартирах? – смешно. Хищной мутировавшей фауны здесь не больше, наверное, чем за городскими пределами, но слишком уж много удобных мест для засад хищников: помещения, подвалы, чердаки, подземные коммуникации. И на бронетехнике по городу не проехать, его проспекты и улицы теперь – сплошная полоса препятствий. За броней, если что, не отсидеться, и крупнокалиберный пулемет БТР, способный самого громадного монстра изрешетить, не помощник. На своих двоих сюда ходят и с личным стрелковым.

В общем, Самурай не любил город, когда-то называвшийся Сланцы, и предпочитал в него лишний раз не соваться. Но сейчас выбора не было, приказ есть приказ. По оперативным данным, в городе якобы все-таки постоянно обитает небольшая группа аборигенов, держащаяся от прочих наособицу. Называют себя Чистыми, и не оттого, что часто моются, с этим у

всех мутантов большие проблемы, – в генетическом смысле. Практикуют евгенику в самом жестком ее варианте. Без теоретических познаний, все происходит попросту: если рождается у них младенчик с чем-либо, для нормального человека нехарактерным, – без затей его топят. Неудивительно при таких делах, что Чистых очень мало. И что держатся они поодаль от прочих мутантов, у тех-то полная терпимость ко всевозможным уродствам, всех за людей считают, даже не слишком-то похожих на хомо сапиенсов.

Тем интереснее было Чистых найти и установить с ними контакт. В приказе сказано жестко: никаких силовых действий. Не захотят общаться, силком не навязываться, собрать как можно больше информации: где обитают, чем занимаются, – и отступить.

Самурай недоумевал: что за Чистые, почему никогда о таких не слышал? Данные о них поступали не от разведки – от структур Ковача. После выхода наружу особист развернулся. Расправил, так сказать, крылья. Создал обширную агентурную сеть, раскиданную по окрестным деревням. И другую сеть, внутреннюю, на Базе, – старые-то кадры все по десять раз проверены-испытаны, а от мобилизованных и даже добровольцев можно ожидать всего. Если кто-то из них на службу пошел лишь с мыслью автомат заполучить и тут же дезертировать, это еще полбеды. А если для того записался, чтобы шпионить и Базе изнутри вредить?

Но внутренняя агентурная сеть Ковача худо-бедно работала. И шпионов ловили, и попытки группового дезертирства с оружием пресекали. А вот внешняя… У Самурая имелись касательно нее изрядные сомнения. Сколько, интересно, агентов скормливают кураторам откровенные байки или прямую ложь в обмен на тушенку и одежду с подземных складов? Та же история с Чистыми хороший тому пример… Хоть какой-нибудь слух до разведчиков дополз бы, существуй такие на самом деле. О тех же заболотниках сколько всего болтают.

Капитан Николай Смуров по прозвищу Самурай подозревал, что его отправили искать в стоге сена иголку, которой там нет. Но приказы не обсуждают… Собрал группу – шестеро мобилей, сержант Гнатюк из старой гвардии, сам восьмой, – и выступил за пару часов до рассвета. До границы города доехали на БТР, как белые люди, а вот дальше пришлось пешочком… И пора бы уже делать привал, ходьба по вздыбленному, торчком вставшему асфальту сильно выматывает.

Он собрался было выбрать подходящее местечко с относительным обзором во все стороны и скомандовать: «Привал полчаса!» – когда вдруг увидел на облупленной стене дома эмалированную табличку, на удивление белую, словно кто-то ее регулярно протирал-начищал.

На табличке было написано: «ул. Максима Горького, 17». И надпись эта заставила Самурая вспомнить кое-что, казалось бы, прочно позабытое.

Привал он скомандовал несколько позже, чем планировал.

* * *

Когда-то, в прошлой жизни, Самураю доводилось бывать в городе Сланцы (даже в позапрошлой, если прошлой считать двадцать лет, проведенные под землей). Пятнадцать километров от объекта, где он служил, по шоссе, а по прямой гораздо ближе, – куда еще отправиться развеяться, отбарабанив двенадцатичасовое дежурство? На выходные Самурай нередко отправлялся оттянуться в Питер, но вечера после службы проводил в Сланцах.

Шахтерский городок уже тогда производил впечатление умирающего… Не мертвого, как сейчас, – именно умирающего.

Дело в том, что хоть и прославился город на весь бывший Союз производством резиновых шлепанцев, незаменимых для походов на пляж или в баню, но то было побочное производство, а главное, ради чего город и возник, – добыча горючего сланца. Основным потребителем добытого были тепловые электростанции соседней Эстонии, когда-то братской советской республики. Их так изначально проектировали – ни уголь, ни что иное в качестве топлива не

годилось, только сланец. Потом республика обернулась независимым государством, не слишком братским. Новые власти в конце девяностых объявили, что не желают зависеть от России в энергетике, – и перестроили свои электростанции на другое топливо, взяв на это дело западные кредиты. Отбиваться затратам предстояло пару веков, но независимости от российских поставщиков достигли, что да, то да. И заодно, мимоходом, угробили город Сланцы.

Шахты закрылись, и город начал медленно умирать. Многие шахтеры уезжали вместе с семьями в те регионы, где их специальность была пока еще востребована. Те, кто трудился в других отраслях, пытались жить как прежде, – но и торговля, и сфера услуг хиреют, когда в городе исчезает главный источник денег. Население Сланцев сократилось вдвое. Да и оставшиеся, наверное, уехали бы с легкой душой, но продать стремительно дешевеющую недвижимость стало практически нереально.

Самурай был в городе чужаком и не принимал проблемы местных близко к сердцу. Ему, что скрывать, нравилось, что цены здесь невысокие, в ресторанах и барах даже вечером пятницы полно свободных мест, а немногочисленных платежеспособных клиентов чуть ли не облизывают официантки, бармены и прочая челядь…

К тому же он завел здесь себе подружку. Эльвира была замужем, что роману никак не помешало: муж трудился водителем-дальнобойщиком, зарабатывал неплохо, особенно по меркам депрессивного городка, но дома бывал редко. Скучавшая без мужского общества Эля нередко проводила вечера в баре, где и подцепил ее Самурай. Или она его подцепила, желание было вполне обоюдным. Заурядная история… И закончилась столь же банально, как в дурацком анекдоте из разряда «вернулся муж из командировки».

Ангельским всепрощением дальнобойщик не отличался и руку имел тяжелую, но Самурай в свои двадцать шесть поддерживал хорошую форму и дал пополнениям рогоносца достойный отпор, стараясь, впрочем, обойтись без лишнего членовредительства.

Зато Эльвире потом прилетело от благоверного… На последнем свидании – состоялось оно за четыре дня до красной тревоги, отменившей все выходы за пределы объекта, – на том последнем свидании даже солнцезащитные очки не могли скрыть преизрядный бланш под глазом у Эли. Сказала, что с новыми встречами придется повременить. Может быть, потом, когда все поуляжется… Но по тону чувствовалось: никаких «потом» у них не будет.

Самурай отнесся к завершению романа философски, все равно долгих планов не строил и отбивать Элю у мужа не собирался. Она не первая и не последняя – и Самурай погуляет, похолостует еще пару лет, а потом женится, но уж никак не на такой шалаве, по барам шляющейся… Так он рассудил – и ошибся.

Она не была первой, но стала на долгие годы последней. На двадцать с лишним гребаных лет последней. И оттого с Эльвирой постепенно произошла странная метаморфоза – лишь в мозгу Самурая произошла, разумеется. Чем дальше, тем больше она вспоминалась самой настоящей красавицей, а отношения с ней – самой настоящей любовью, грубо порушенной обстоятельствами и мужем-рогоносцем.

Часто перед сном Самурай вспоминал Элю, каждую ее мельчайшую черточку, обсасывал каждую детальку их встреч… Наверное, даже больше не вспоминал, а выдумывал или по меньшей мере приукрашивал на порядки. И горько жалел, что не сгреб ее на последнем свидании в охапку, не притащил на объект, положив с прибором на дисциплину и все служебные инструкции. Пережил бы уж как-нибудь взыскание, зато были бы вместе все эти двадцать лет, детей бы нарожали… А так под землей вместе с тремя сотнями мужчин оказались всего шесть женщин. Или семь, если считать дочь майора Мартыненко, девочку-подростка, – когда та подросла, вокруг закипели нешуточные страсти. Прямо-таки шекспировские, доходило до дуэлей на пистолетах в дальних штолнях между претендентами на руку, сердце и постель Иринки Мартыненко. Закончилось все и вовсе погано – убийством девушки из ревности… Не доставайся, дескать, никому.

Да что там Иринка... У Галины Валерьевны, предпенсионных уже лет военной фельдшерицы, случилось под землей больше любовных историй, чем за всю предшествующую жизнь. И больше молодых любовников, чем у какой-нибудь стареющей сверхпопулярной певицы прежних лет. До самой смерти (а умерла, когда ей было под семьдесят) купалась в мужском внимании.

...Но адрес Эльвиры – дом, улицу – Самурай не вспоминал, ни к чему, и казалось, что они вообще стерлись из памяти, и лишь сейчас, когда увидел на стене белую эмалированную табличку, все всплыло: Эльвира некогда жила в соседнем доме, в девятнадцатом. Он подумал, что никогда здесь не бывал за последний год, во время нечастых вылазок в город. Вообще ни разу не оказывался на улице Максима Горького. Всегда выбирал другие маршруты. Неужели подсознательно все-таки помнил адрес – и оттого избегал знакомый дом? Не хотел узнать, что случилось с реальной Эльвирией, превратившейся в его воображении в идеал красоты и женственности?

– Привал полчаса, – скомандовал он. – Во-он в том дворе. Обзор вроде неплохой.

– Не такой уж неплохой... – с сомнением произнес сержант Гнатюк, когда минуту спустя они вошли в тот самый двор. – Не нравятся мне эти окна...

Окна нескольких квартир были забиты досками, потемневшими и гнилыми, – за ними мог таиться кто угодно и незаметно прицелиться через щель.

– А вы тут не расслабляйтесь, держитесь начеку, – ответил Самурай.

Гнатюк хмыкнул, но ничего не сказал. Спорить с командиром группы, тем более в присутствии мобилей, ему не хотелось.

* * *

Дверь в квартиру на втором этаже оказалась не заперта. И даже чуть-чуть приотворена.

Самурай замер рядом с ней, держась за простенок, выждал некоторое время. Если внутри кто-то был, то обладал железными нервами: наверняка ведь слышал шаги Самурая по лестнице, но не выдавал себя ни звуком, ни движением. Либо, что вероятнее, никого внутри не было.

Или...

Самураю послышался какой-то легкий звук. Мелькнула идиотская мысль: «А если Эльвира до сих пор жива и до сих пор здесь?» От этой мысли захотелось тихо спуститься вниз, по возможности бесшумно ступая, и увести отсюда группу, урезав время привала... Видывал он выживших. Мерзко выглядят... Наверное, прав Рымарь и двадцать лет назад действительно шандарахнули каким-то секретным биологическим оружием, превращающим людей черт знает во что.

Он тихонько потянул дверь, та не шелохнулась, петли приржавели. Звук внутри повторился, и показалось, что издает его кто-то небольшой, никак не человек. Разозлившись на себя, Самурай рванул дверь в полную силу, ввалился внутрь под мерзкий визг петель, прыжком ушел с линии огня, вскинул ствол...

Под ногами мелькнуло что-то мелкое, толком не разглядеть, но зверюшка метнулась не к нему – от него, в темноту. Крыса? Плевать, одиночная крыса не опасна, а вот их стаям в период сезонной миграции лучше на пути не попадаться, сожрут и костей не оставят. В буквальном смысле не оставят, разгрызают даже мелкие косточки, добираясь до костного мозга.

Здесь было темно, заколоченные окна света не давали. Самурай включил фонарь, прошелся по квартире, посвечивая во все стороны. Нападения уже не опасался: доски на окнах целы, а в щель приоткрытой двери никто крупнее крысы не просочился бы.

В квартире действительно пытались какое-то время жить после того, как все рухнуло. По крайней мере в первую зиму. Оконные проемы заколочены в два слоя, и снаружи, и изнутри, –

а промежутки между досками набиты истлевшим тряпьем: жильцы сберегали тепло, как умели. Едва ли с особым успехом, печкой здесь служила аляповатая «буржуйка», сложенная из бензиновой бочки, успевшей с тех пор проржаветь до дыр. Дров такие конструкции жрут немерено, но едва перестаешь подкидывать – через час снова холодрига, зуб на зуб не попадает. Так что гадать, куда подевалась из квартиры почти вся мебель, не приходилось – канула в прожорливой топке, понятное дело.

Эльвира здесь пыталась выживать со своим мужем-амбалом? Или какие-то пришлые чужаки? Поди знай… Но слишком долго попытка длиться не могла: или сдохли, или с запозданием сообразили, что за городом возможностей для выживания больше.

Казалось, ничего интересного здесь найти невозможно в принципе, но кое-что все же обнаружилось. Небольшой тайник в стене. Простенький, самый примитивный: под отслаивающейся штукатурку с ключами обоев кто-то подпихнул плоский пакет, завернутый в пленку. Позже штукатурка отслоилась еще сильнее, частично осыпалась, и тайник перестал быть тайником, продемонстрировал содержимое… Находку Самурай забрал, но разворачивать не стал – на ощупь в пакете лежала или книжка в мягком переплете, или толстая тетрадь… На следующем привале изучит, а то этот идет к концу, а ему хотелось тут еще на кое-что взглянуть.

Самурай прошел в спальню, все больше склоняясь к мысли, что зря сюда явился.

Кровать-траходром частично уцелела, хоть и лишилась ножек и спинок. Расползшийся матрас, помнящий много интересного, мог бы вызвать приступ ностальгии… Однако не вызвал. Кто-то справил прямо на матрас большую нужду, наложив здоровенную кучу дермы. Случилось это давненько, дермо окаменело и уже не воняло – но оказалось замечательным лекарством против ностальгии и прочих мерехлюндий. Вот она, цена всем воспоминаниям двадцатилетней давности… окаменевшее дермо. Надо жить дальше, сорок девять еще не старость, и надо найти себе нормальную девку, трудно, но надо, у тех же Чистых, если они…

С улицы донеслись выстрелы. Два одиночных, из карабинов, затем короткая, на три патрона, очередь. Самурай метнулся наружу, мигом выбросив из головы все посторонние мысли.

* * *

Предполагаемое место дислокации Чистых находилось неподалеку, за развалинами бассейна, но если верно все, что о них рассказывают, то застреленный Гнатюком мутант принадлежать к этой общине никак не мог, живо бы отправился там в отбраковку. Маленький, с двенадцатилетнего ребенка ростом, весь какой-то скрюченный, сгорбленный, кожа в непонятных наростах, лицо как одна сплошная огромная бородавка, так что и не понять, где у него нос, где щеки.

Тем не менее эта пародия на человека сумела незаметно и бесшумно подобраться почти вплотную к месту привала группы. Огнестрела человек-бородавка не имел и выстрелил из арбалета. Ночью такое покушение могло сойти с рук, в темноте трудно понять, откуда сделан бесшумный выстрел. При дневном свете ни убежать, ни перезарядить свое оружие существенно не сумело и не успело… Получило три пули и затихло.

Арбалетная стрела угодила в одного из мобилей. Бронежилет на том был старого образца (именно такие выдавали мобилизованным, а вместо автоматов – карабины СКС, которых под землей лежало в достатке), но и он мог бы спасти, попади наконечник в титановую пластину. Но на его пути оказался лишь кевлар и ничему не помог… Стрела глубоко, на половину своей длины, вошла в верхнюю часть груди.

«На несколько сантиметров ниже – и прямиком бы в сердце, и все бы уже закончилось», – подумал Самурай не без сожаления. Да, именно так… Как ни цинично это звучит,

но когда выполняешь задание автономно, лучше потерять одного из бойцов убитым наповал, чем тяжело раненным.

Состав группы и в том, и в другом случае сокращается. Но если рана не смертельная, то сразу встает вопрос: а что с раненым делать?

Тащить с собой и на себе? – еще минус как минимум два бойца, плюс мобильность группы падает дальше некуда.

Добить или бросить? – так это удар по психологической устойчивости подчиненных, по их морально-волевым качествам. Даже у самых проверенных и надежных зашевелится мыслишка: а если я следующим подвернусь под стрелу, пулю, осколок? К тому же мобилей никак нельзя назвать проверенными и надежными, за ними и без того глаз да глаз нужен, чтобы не пальнули в затылок командиру и не дезертировали.

Он помедлил, разглядывая трофеиное оружие и одновременно искоса поглядывая на раненого: вдруг тот все-таки сейчас захрипит и умрет?

Арбалет оказался обычным, не раз такие встречались: грубо выструганная деревянная ложа, к ней приделана рессора от легковушки, концы ее стягивает тонкий стальной тросик. Примитив, но шагах на тридцати бьет не хуже, чем пулевой, подстреленный мобиль не даст соврать.

Подстреленный меж тем подспудных надежд командира не оправдал, кровь сочилась вяло, и умирать боец явно не собирался.

Самурай вздохнул и с размаху шарахнулся арбалетом об асфальт – ложа раскололась, спусковой механизм пришел в негодность – и зашвырнулся обломки подальше.

– Ты и ты, готовьте носилки, – скомандовал он мобилям, и один из них достал из рюкзака и начал раскатывать брезентовое полотнище с петлями-ручками, другой с глуповатым видом топтался рядом, не зная, чем помочь.

– Вколо ему промедол, – скомандовал Самурай сержанту. – Бери этих двоих и доставьте его к бэтээру. С Пащей я сейчас свяжусь.

Гнатюк кивнул, потянулся за шприц-тюбиком… Он был флегматиком и фаталистом и, получив приказ раненого добить, точно так же спокойно потянулся бы за ножом. Лишь уточнил:

– Доставим – и возвращаться сюда?

– Нет. Везите на Базу, там в медчасть. Затем возвращайтесь вместе с бэтээром, ждите в условленном месте. Дело мы здесь вчетвером закончим.

– Есть отвезти, вернуться и ждать.

Гнатюк вскинул руку к шлему-сфере, однако этот уставный жест был скорее предназначен для мобилей. Просидевшие двадцать лет в одном подземелье общались меж собой без лишних формальностей, но незачем подавать мобилизованным дурной пример пренебрежения Уставом.

* * *

Бассейн был открыт, летний. К нему вплотную примыкало здание релаксационного комплекса «Березка». Некогда там размещались бани трех видов: русская, турецкая, финская, плюс фитнес-зал, плюс спа-салон, плюс что-то еще… Еще неофициально, без вывески на фасаде, имелось заведение с девочками, всеми способами помогавшими релаксироваться. Построили «Березку» в те времена, когда сланцевые шахты функционировали, шахтерам в них неплохо платили и денежных клиентов хватало.

Но, как и многие здания в девяностых годах прошлого века, возвели комплекс с множеством нарушений строительных норм и правил – подмазали кого надо и сляпали кое-как, на скорую руку. В результате дома советской постройки стояли до сих пор, лишь перекрытия кое-

где провалились, «Березка» же превратилась в груду строительного мусора, буквально сложилась, как карточный домик.

А вот бассейн, как ни удивительно, остался пригоден к использованию. Площадь его уменьшилась вдвое, обломки завалили примыкавшую к комплексу часть. Вышка для прыжков в воду развалилась, кабинки для переодевания исчезли неведомо куда, но то, что уцелело от чаши бассейна, было заполнено отнюдь не затхлой и застоявшейся дождевой водой, как стоило ожидать... Нет, вода оказалась чистая и прозрачная, на дне видны выкрошившиеся из стенок куски плитки и нанесенный песок. Бассейн наполнялся родником, и довольно обильным, – избыток воды вытекал небольшим ручьем, петляющим, огибающим препятствия и стремящимся куда-то к речке Плюссе.

Здесь бывали люди, и не так уж редко, как убедился Самурай, досконально обследовав местность вокруг. Может, набирали свежую родниковую воду, может, даже купались в теплый сезон, отчего бы и нет... Но были то Чистые или кто-то другой, по следам не понять, отпечатки смазанные, нечеткие. Да и окажись они идеальными, толку мало: даже если у мутанта с ногами все в порядке, между ними может болтаться какой-нибудь чешуйчатый хвост, а то и что похуже.

По сведениям, полученным от информаторов Ковача, появлялись здесь именно Чистые. Но насколько стоит тем информаторам доверять, большой вопрос.

В любом случае сидеть здесь до темноты, выжидая, не заглянет ли кто, Самурай не собирался. Установил и хорошенъко замаскировал рядом с чашей бассейна видеокамеру, соединенную с датчиком движения. Затем вторую, сканирующую, – на самой высокой точке руин комплекса. Вскарабкаться туда стало довольно рисковым предприятием, но дело того стоило – вторая камера включится одновременно с первой и зафиксирует, в какую сторону уйдут приходившие к бассейну люди, затем слежку продолжит беспилотник, поднятый с мобильного поста в трех километрах отсюда...

По крайней мере Самурай надеялся, что все произойдет именно так и что к бассейну придут люди, отыскать которых он послан. Мутировавшим тварям без разницы, какую воду лакать, – что двуногим, что четвероногим...

Ну вот, можно двигать обратно. Но он решил подождать пару-тройку часов, засев в руинах, вдруг повезет... Хорошо бы закончить дело за один рейд: или выйти на контакт, или убедиться, что шляются сюда все же мутанты и ни о каких Чистых не знают, не ведают.

* * *

Два мобиля остались на вахте, разделив сектора наблюдения. Третий наладился подремать, встали все сегодня рано, задолго до рассвета. Самурай и сам бы покемарил, если бы с ним остался Гнатюк. Но спать в обществе лишь троих мобилизованных... нет уж, не в этой жизни.

Он занялся пакетом, найденным в квартире.

Внутри обнаружилась записная книжка, или скорее то, что когда-то называли органайзером. Переплет из дерматина или схожего материала, несколько первых страниц вырваны (титульный лист тоже отсутствовал), оставшиеся исписаны примерно наполовину.

Почерк четкий, разборчивый... И, пожалуй, женский, однако незнакомый, – но это ничего не значило, они с Эльвирай переписывались исключительно в соцсетях, а там какой уж почерк...

Самурай перелистал записную книжку до конца, не читая, бумага сохранилась хорошо – слегка пожелтела, но листы не слипались и не крошились. В конце была телефонная записная книжка с алфавитом, но оказались в ней всего два или три номера давно отключенных телефонов. Логично: пока действовала сотовая связь, все вбивали номера в память своих мобилок, а после звонить стало и нечем, и некому...

Две с половиной страницы в начале покрывал достаточно длинный связный текст, далее обрывочные записи: дата сверху, а под ней иногда пара строк, иногда страница почти полностью исписана, даты шли не подряд, порой с разрывами в две-три недели, и все относились к первому году новой, постъядерной эры.

После первой же внимательно прочитанной записи сомнений в авторстве не осталось. Внизу страницы был нарисован хештег **#яхренеюдарагаяредакция**, – именно так, с тремя «а» в слове «дорогая», Эльвира помечала некоторые свои посты в соцсетях.

Он стянул с головы сферу, снял тактические перчатки – листать в них страницы было неудобно. Присосался к фляге, в глотке как-то резко пересохло. Посидел, не возвращаясь к чтению. Одно дело допускать, что женщина, двадцать лет не покидавшая мысли, жила в эти годы здесь, рядом, на поверхности, но в другом мире, наполненном кошмарами. И совсем иное дело читать ее записки, вполне возможно предсмертные.

Самурай закурил, но после пары затяжек вдавил едва начатую сигарету в бетонный обломок. Выдохнул и снова взялся за дневник. Описания послевоенных трудностей, вполне ожидаемые, он просматривал невнимательно. Напряженно искал хоть какое-то упоминание о себе и пока не находил… Неужели ни разу не вспомнила, сучка? Неужели остался для нее одним из многих, безликой фигурой в длинном ряду?

Не стоило заходить в квартиру. И содержимое тайника, даже увидев, не стоило забирать. Вскрыл банку с законсервированной любовью – а продукт внутри тухлый.

– Командир! – негромко позвал один из бдящих мобилей. – Кажись, человек идет…

Припал к биноклю и после короткой паузы буквально взвизгнул:

– Баба! И нормальная, бля буду, совсем нормальная!

За доставленных на Базу женщин детородного возраста и без внешних признаков мутаций и уродств мобилям были обещаны преизрядные премии. Не деньгами, разумеется, – бонами на товары, пользующиеся повышенным спросом у местных (но только не на патроны, торговля самой ценной здешней валютой была под строжайшим запретом). Пару раз премии даже выплачивали. Но, увы, Рымарь обеих девушек забраковал, генетические отклонения не всегда проявляются внешне…

* * *

Женщина несколькими быстрыми движениями сбросила одежду – всю, до последней нитки, – и не стала пробовать воду, не воспользовалась уцелевшей металлической лесенкой – решительно сиганула «ласточкой» прямо с бортика. Проплыла несколько метров под водой, вынырнула посреди бассейна.

Самурай пялился на нее во все глаза – и застыл, оцепенел. Не от зрелища обнаженного женского тела, хотя не видел вживую голых женщин много лет, мутантки не в счет, – оттого, что узнал женщину, отбросившую с лица намокшие длинные волосы.

Там, в бассейне, была Эльвира.

Точно такая, какой он ее запомнил, ни на день не постаревшая.

Он не удивился, за последний год доводилось встречать в мутантских селениях мальчишек, внешне неотличимых от тридцатилетних мужчин. И наоборот, попадались люди, выглядевшие, по рассказам, точно так же, как и десятилетия назад… Когда гены идут вразнос, с механизмами старения происходят самые разные чудеса.

Самурай не удивился, лишь подумал, что в мире все-таки есть какая-то высшая справедливость. Столько лет хранил верность своей женщине, не соблазнился ни старческими мослами Галины Валерьевны, ни другим чем-либо, – и сейчас получит награду.

Наверное, его могли бы остановить мобили, и все пошло бы иначе. Могли бы, объясни он им, что именно видит… Остановили бы и растолковали: что-то здесь не так, в бассейне

купается вовсе не зрелая женщина под тридцатник, как мерещится командиру, – там совсем юная девица с остренькими торчащими грудками. И никакой роскошной копны волос у нее на голове нет – короткая неровная стрижка.

Но он ничего не сказал, и мобили удивились лишь тому, что командир поднялся и пошагал из их укрытия к бассейну, не надев перчатки и сферу и даже – небывалое дело! – оставив на камнях автомат.

Купание не затянулось. Эльвира одеваться не стала, лишь подхватила одежду и быстро пошагала к деревьям, их перекрученные заросли начинались в полусотне метров к северу от территории бывшего комплекса.

Самурай спешил следом, не отдавая себе отчет, что происходит с ним нечто странное... Хотел окликнуть, остановить – и не сумел, горло словно бы сдавила тугая петля. Он прибавил ходу, объятый страхом: сейчас пропадет из виду, затеряется среди стволов и подлеска – и все, никогда больше не увидятся, теперь уж точно никогда...

Когда до деревьев остались считаные шаги, Самурай все же понял каким-то дальним уголком сознания, что творится с ним неладное, но мысленно отмахнулся от этого понимания, занятый лишь тем, чтобы не упустить мелькавшую впереди обнаженную фигуру.

Точно так же он проигнорировал раздавшийся слева шорох – не до того, позже разберется, сейчас главное...

На голову обрушился страшный удар, и солнечный день померк для Самурая. Крики и выстрелы, раздавшиеся позади, в развалинах комплекса «Березка», он уже не услышал.

Глава 2

Суд по понятиям (ход белым конем)

Марьяша наладилась почитать, благо никто помешать не мог: Лизка где-то моталась со своими приятелями-отморозками, Гунька беспробудно дрых, ему дай волю, он проспит и сутки подряд, и двое, и трое. Серьезно, как-то раз проверили, спецом три дня не будили: спит, и даже похавать либо по нужде не просыпается. Потом дышать стал реже, сердце начало биться медленнее, – испугались и растолкали. Спячка, как у хомяги, только та зимой спит, а Гунька круглый год. Сколько лет из своих пятнадцати братец провел во сне, никто не подсчитывал, а было бы любопытно. Тринадцать? Четырнадцать?

Отец, вечно норовивший нагрузить какими-то делами, был дома, но занят: опять привел трехглазую Ирку-давалку. Ирку «давалкой» прозвали не зря, готова была всегда и с кем угодно, но мужики Затопья ее сторонились – дескать, ее третий глаз недобрую силу имеет. Поговаривали даже, что хорошо бы за такие дела пристроить Ирку в Слизистый Колодец, но к делу пока не приступали, а ведь могут, еще как могут...

Но отцу, когда пьяный, все едино: глаз, не глаз, была бы баба. А пил он постоянно после того, как мать убили кровососы. Горе якобы заливал. И до баб стал охоч неимоверно, до любых, пусть самых страхолюдных и потасканных. Раз до того допился, что на Марьяшу полез, не посмотрел, что дочь. И ведь разложил бы, да хорошо, что Лизка неподалеку случилась, прибежала и отоварила родителя по голове сковородкой с длинной ручкой. Утром папаша не то проснулся, не то очнулся – на голове громадная шишка, ничего не помнит. Сестры ему сказали, что сам спяну ударился, вроде бы поверил, но порой поглядывал на дочерей как-то странно, словно пытался что-то вспомнить, да не получалось...

В общем, Марьяша ничего против визитов Ирки-давалки не имела, пусть уж так, а то ведь не каждый раз Лизка со сковородкой рядом окажется.

Она удобно устроилась в уголке, отключилась от звуков из-за перегородки – и с головой погрузилась в жизнь маркизов, графинь и разных прочих шевалье, в далекую и совершенно чужую, но полную захватывающих приключений.

Читала медленно, многое не понимала, запоминала новые слова, чтобы потом спросить у Савельича, тот посмеивался над ее тягой к ненужным знаниям, но объяснял.

«Кринолин», – взяла на заметку Марьяша, память она имела отличную, ничего не забывала.

И тут в дверь постучали. Да так, что ее доски, не особо-то тонкие, ходили ходуном и прогибались внутрь. Гадать, кто ломится, долго не пришлось, снаружи донесся трубный рев:

– Гунька-а-а! Просытайся!

Боба заявил... От роду ему лет восемь или девять, но ростом и шириной плеч изрядно превосходит двадцатилетних парней, а силища такая, что всемером не скрутить. Вот только разум за ростом не поспел, так и остался дитячим.

Марьяша вздохнула, отложила книгу и отправилась открывать. Потому что Боба, не услышав ответа, снова начал лупить кулачищем в дверь, и для той это могло закончиться плачевно.

Засов отодвинулся, дверь открылась. Крохотные глазки Бобы уставились на Марьяшу, отражая какую-то работу мысли. Хотя на самом деле глаза были нормального размера, не меньше, чем у других, но на громадной башке Бобы казались маленькими, едва заметными.

Несколько секунд он молча пялился на Марьяшу, потом выдал:

– Ты Лиза? Или Марьяна?

Тупил Боба отчаянно... Нет, разумеется, сестры лицом очень схожи, близняшки. Но во всем остальном – день и ночь. Марьяша носит длинные волосы, а Лизка стрижется коротко, по-

мальчишечки. Марьяша домоседка, любит почитать или просто помечтать о чем-то, а Лизка носится по окрестностям с гоп-компанией приятелей, единственная среди парней девчонка, ищет приключений на свою задницу. Марьяша ходит в платье, а Лизка его не надевала, пожалуй, ни разу, с самых малых лет в штанах. Да и лица у них, если присмотреться, одинаковы не всегда – на Лизкиной физиономии вечно то фингал, то ссадина, сестрица не дура податься, а Марьяша не умеет, да и не хочет.

Объяснять все это простоватому Бобе она не стала, сказала коротко:

– Марьяна.

– А-а-а… – протянул Боба и вздохнул так, что занавески словно ветром колыхнуло.

Ему нравилась Лизка, и он очень стремился попасть в ее компанию, но Бобу туда не принимали, – хоть и силач, но тупой, медлительный. Вот и водится с сонным Гунькой, тот разумом недалеко ушел от громадного приятеля. А когда Гунька спит, то Боба отчаянно скучает и бесцельно шляется по улицам или за еду обрабатывает чужие делянки, еды ему надо много, зато и работник на загляденье.

– Чего ломился-то? Гунька нужен? Сам иди расталкивай.

Два вопроса в одной реплике – это слишком много для огромной головы Бобы. Он на какое-то время завис, пытаясь уразуметь, что ему сказали. Потом разобрался, начал отвечать:

– Так это… Кровососов ведь аж троих споймали. Казнить, значит, собрались. В Колодце. Пойдемте смотреть все вместе?

Он вошел в дом, бочком протиснувшись в дверь (плечи были шире проема), половицы жалобно заскрипели и прогнулись. Марьяша опасливо отступила, на ножищах у Бобы обуты громадные самодельные чуни из кожи, никакая обувь, добываемая в мертвом, заброшенном Городе, на этакую лапу не налезает. И своими чунями Боба оттаптывает чужие ноги только так, если вовремя не посторониться. Слон, натуральный слон.

Войдя, человек-слон первым делом опрокинул табурет. Пробормотал: «Я нечаянно», – и потянулся поднимать, но зацепил лавку, где стояло ведро с ключевой водой, Марьяша едва успела удержать ведро от падения, не то пришлось бы устраивать досрочную помывку полов.

– Стой здесь! – приказала она. – Стой, не шевелись! Сама Гуньку подниму.

– А пожевать чего дашь? – с надеждой спросил Боба.

– Не готовила еще, – отрезала Марьяша.

Хватит, разок позволила угоститься вареной картохой, на миг отвернулась, а детинушка опрокинул весь котелок в свою широко распахнутую хлеборезку – и семья осталась без ужина. Жрать хотелось Бобе постоянно, и съесть он мог сколько угодно.

– А хоть хлебушка?

– Какой хлеб? Не сезон, сам знаешь, всю муку подъели…

Боба печально вздохнул, и занавески снова колыхнулись.

* * *

К Слизистому Колодцу они пошагали вдвоем с Бобой. Гунька, не открывая глаз, сказал, что ни к какому Колодцу он не потащится, а то, дескать, не видел, как туда людей или скотину бросают. Сказал и снова захрапел.

Марьяша пыталась позвать сестру, но та от мысленного контакта отмахнулась, что-то у них там происходило и было не до того… Марьяша вполне могла взглянуть глазами Лизки, чем именно та с приятелями занимается, но не стала. Считала, что неправильно это как-то, все равно что тайком подглядывать или подслушивать. А вот Лизке все напочем, без спросу, по-хозяйски забирается сестре в голову.

На казни Марьяша ходить не любила, но тут случай особый. Те или не те кровососы застрелили мамку, не так уж важно, у всех у них руки по локоть в крови. И непременно надо посмотреть, как им воздастся по заслугам.

По дороге к их парочке пристал Проня, что жил на отшибе, в Свиных Выселках. Причем пристал и в переносном смысле, и в прямом. Он с весны интересовался Марьяшой, намеки разные строил и приглашал погулять как-нибудь вечерком, звездами полюбоваться. Она отказывалась под разными предлогами, хотя сама понимала: возраст подошел такой, что и с парнями гулять пора, а там и замуж, когда гуляния закончатся тем, чем обычно заканчиваются. Но как-то не хотелось…

Еще года четыре назад, когда сестры только начали входить в первый девичий возраст и мать запретила им купаться голышом вместе с приятелями, Марьяша призадумалась: а с кем бы из знакомых парней хотелось ей жить как с мужем? Призадумалась и поняла, что ни с кем. Не нравились ей парни Затопья. И те, что с других деревень, не нравились тоже. Наверное, слишком много книжек прочла, а там совсем другие мужчины описаны… И Проня не нравился. Хоть и родился еще до Трындеца, и никаких внешних уродств у него после не вылезло, не в пример многим, и можно было надеяться, что родится от него нормальный ребенок, а не уродец, ни на что не похожий… Но не нравился, и все тут.

Проня, получая отказ за отказом, только еще больше распалился. И однажды напрямую предложил выходить за него замуж. Он зимой овдовел, причем уже в третий раз, хотя было ему лет тридцать или около того. Не заживались отчего-то жены у Прони, хоть вроде он их и не бил, по крайней мере с синяками не ходили.

На прямое предложение Марьяша сказала: хочешь жениться, так делай, как положено по понятиям: ступай к отцу с подарками, проси руки… Проня, услышав такое, приуныл. Приходил незадолго до того к папаше один соискатель. Так родитель даже не дослушал, к которой из дочерей сватовство: заехал кулачищем в рожу потенциальному зятю, скулу набок своротил. За такое рукоприкладство смотрящий присудил штраф, а у женишка, когда опухоль спала, морда лица так и осталась перекособоченной. Проня с кулачищем возможного тестя знакомство сводить не хотел, ему свербело на звезды в кустах с Марьяшой полюбоваться, – ну а после, когда у дочери живот расти начинает, любой отец говорчивым становится.

В общем, Проня порядком достал своими приставаниями, но сейчас Марьяша даже немного порадовалась его появлению. Кое-что в грядущей казни было ей непонятным, а Бобу расспрашивать бесполезно.

– Так их, кровососов, без суда в Колодец отправят? – спросила она у Прони.

– Зачем без суда? – удивился Проня. – Не положено без суда, не по понятиям. Прям сейчас и будут судить, прям у Колодца. Судья утром приехал, все чин по чину.

Вот даже как… Дело таким срочным показалось, что Судья ночью сюда поскакал, хотя через Серые топи, окружившие деревню, днем куда безопаснее путешествовать. И то сказать, не каждый день кровососы в плен попадают… Честно говоря, вообще в первый раз живыми взять удалось. Иногда удавалось кого-нибудь из них подстрелить из засады, но убитыми они падали или ранеными, никто в точности не знал, кровососы подстреленных не бросали, всегда забирали с собой.

Но вчера был не их день… Получат теперь свое, и за мамку, и за всех остальных, кого погубили.

* * *

У Слизистого Колодца собралось большинство жителей Затопья, человек, наверное, под тысячу. Сильно приросла за последний год деревня, многие из других мест сюда переселились, от кровососов спасаясь. Принимали в общину всех, необработанной плодородной земли

вокруг пока хватало. Но поговаривали, что скоро наделы пришлым выделять перестанут: хочешь, дескать, отсидеться от войны за непроходимыми для чужаков топями, так ступай в батраки к тем, кто здесь раньше осел.

Судьи пока не было, пленников тоже. Жители толпились на обширной поляне, собирались в кучки тут и там, но к Колодцу старались не приближаться, словно тот был обведен незримым кругом, запретным для пересечения. Колодец сейчас мирный, подкармливают его регулярно, но рисковать никто не хотел. Поди знай, что Слизи взбредет в голову... вернее, в то, что у нее вместо головы.

Колодец лишь назывался Колодцем, а на деле был круглым провалом в земле с отвесными стенами, диаметром шагов тридцать. Хотя старожилы рассказывали, что некогда здесь стоял самый настоящий колодец с деревянным срубом, и дома неподалеку, теперь лишь фундаменты от них остались, кустарником обросшие. И вода в том колодце была питьевая, ничего необычного, но однажды внизу заклокотало, забулькало, запахом противным потянуло. Решили, что пакость какая-то в колодце завелась, и лучше бы его засыпать, и новый в отдалении выкопать... Но все оказалось не так просто, как тогда представлялось.

Между кучками людей хромала Матрена-сухоножка с большой корзиной, предлагала всем свои горячие пироги. Кому-то последний день жизни сегодня выпал, а у кого-то по этому поводу самый разгар торговли... Брали товар у Матрены не особо ходко. Неизвестно отчего, но пустило всех после ее выпечки просто страшно, хотя вроде бы на вкус пироги как пироги. Но все же брали, кто проголодался, — тем более что запасы зерна у многих еще весной закончились, истосковались по мучному. Деньги, чтобы расплатиться, находились далеко не у всех, монеты стали большой редкостью, а бумажные купюры давно вышли из обихода. С неплатежеспособными клиентами Матрена начинала торговаться, говариваться, какой натурай потом рассчитываются.

Народ вокруг толковал о разном, в основном о кровососах, на чью казнь явились поглазеть. Свалилась эта напасть на головы недавно, чуть больше года назад, — появились откуда-то люди, лишь внешне похожие на людей, а сами хуже зверей хищных. Раньше даже из самых дальних деревень слухов о них не доходило. Словно с неба свалились — как поначалу поговаривали, прилетели откуда-то на старинных летающих машинах, давненько отлетавших свое. Либо, наоборот (такие слухи обернулись позже правдой), вылезли из-под земли, где отсиживались после Большого Трындеца. Но откуда бы ни появились, взялись за дело круто. Начали деревни под себя подминать, порядки свои устанавливать, а кто противился тому, тех убивали без раздумий — оружие у них было не чета здешнему и патронов без счета, а местные-то охотники над каждым патроном тряслись, как над драгоценностью, выстрел только наверняка делали...

Несколько деревень уже под кровососов легли — те ведь не только кнутом, но и пряником действовали: кто их власть признавал, тем и еду подгоняли допрежнюю, в железные банки упакованную, и одежду новую, крепкую, и делянки вспахивали за час — там, где лопатой землю рыхлить на неделю работы...

Вроде бы и можно жить под кровососами, да только, по рассказам, вовсе не такой уж сладкой та жизнь на деле оказывалась. Молодых мужиков они мобилизовывали в свои отряды, у тех хозяйств, что помочь получили, забирали часть урожая. И у тех, что помощи не получали, тоже забирали, но поменьше. А самое главное — забирали людей. Уводили в свое логово, на Базу, как они ее называли, — и больше никто никогда тех людей не видел, и даже весточек от них ни разу не доходило.

Появились и в Затопье посланцы от кровососов — из мобилизованных (из мобилей, как их стали называть вслед за кровососами), — кто тайные тропы знал, через топи ведущие. Предлагали добровольно новую власть и новые порядки признать. Одноглазый Мартын, тогдашний смотрящий, собрал народ на сходняк. Рассказал все, что послы предложили, а от себя добавил:

новые их порядки на самом деле старые, из тех времен, когда куча захребетников у народа на шее сидела – и сосала, сосала, сосала из него кровушку. Хотите снова их своей кровью кормить? Хотите, чтоб стало, как сейчас за Большим Болотом, где новоявленные бароны народ в дугу гнут?

Народ дружно проголосовал: шиш им, кровососам (тогда это прозвание за чужаками и закрепилось). Но понимали все – раз уж кровососы про Затопье знают, не отстанут теперь, своего будут добиваться не мытьем, так катаньем. Решили первыми по ним ударить, пока те в полную силу не вошли и мужиков из новых деревень под ружье не поставили. Так-то их самих немного было, паразитов, не больше сотни.

Собрали ополчение из Затопья и из других деревень, что новую-старую власть пока не признали, оружие из тайников достали, что на черный день припрятано было, на отряды разбились, учение провели… Такого войска большого никто в здешних местах и не видывал, даже когда заболотники пять лет назад набегом приходили, деревни жгли и жителей угоняли, – и то меньше людей против них встало, многие отсидеться надеялись, дождаться, когда напасть схлынет… И дождались, ушли супостаты. Но про кровососов все понимали: эти никуда не уйдут, надолго обосновались. Так что, если хотят свободными и дальше жить, всем миром кончать паразитов надо.

Послов их, разумеется, в Колодец наладили, никакого ответа не дав, а сами ночью, скрытно, к Базе пошли, с трех сторон, тремя колоннами.

Лучше бы не ходили… Лучше бы здесь, среди топей, оборону держали… Не то предатель среди своих отыскался и выдал план нападения, не то у чужаков приборы следящие были, для которых ночь не помеха, но напали на все три колонны еще на дальних подходах к Базе. Ни многолюдство не помогло, ни темнота, – разгром был страшный, из тех, кто в поход ушел, едва ли третья вернулась, одноглазый Мартын, ополчением командовавший, тоже погиб.

Не успели раны залезать и убитых оплакать, кровососы ответный удар нанесли. Все дальнние выселки Затопья, что снаружи топей были, сожгли и людей поубивали. Никого не пытались в тот раз под свою власть заманить, просто карали и мстили. Тогда и мать Марьиши, у сестры своей гостившая, пулю словила. Уже почти спаслась, уже почти до леса добежала – в считанных шагах от опушки с простреленной головой упала.

* * *

– Ведут! – выкрикнул Боба, на голову возвышавшийся над толпой и первым заметивший появление пленников.

Слухи врали. Из троих кровососов настоящим оказался лишь один, а двое других – всего лишь мобили, тех уже, случалось, ловили и в Колодец отправляли. Зато третий – всем кровососам кровосос, самый доподлинный. Все, как рассказывали: лицо бледное, как у мертвеца, глаза прижмурены, смотрят сквозь узенькие-узенькие щелки, между век оставшиеся. Стыдно небось в глаза глянуть тем, у кого братьев и отцов, мужей и сыновей убивал. А может, и не стыдно – поговаривали, что зрение у кровососов, как у кротов: в темноте хорошо видят, а как на солнечный свет попадут, почти что слепнут. Врали, понятное дело, для почти слепых слишком уж метко кровососы днем стреляли…

Руки у пленников были скручены за спиной, их вели по живому коридору, подталкивая в спину, среди ругательств и плевков, и чувствовалось, что многим хочется наброситься и своими руками разорвать на куски гадов… Не бросались. Понимали: расправившись собственно-ручно, слишком легкую смерть подарят, Колодец-то пострашнее будет.

Трое судей уже стояли на возвышении. Вернее, Судья был среди них один, а двое других – Семен, смотрящий за деревней, и Выра, хранитель общака. Но у тех двоих голос на судилище

лишь совещательный, а Судья как решит, так и будет. Хотя сегодня возможный приговор ни у кого сомнений не вызывал.

Был Судья глубоким стариком по здешним меркам, наверняка за полтинник перевалил (но так-то Марьяша из книжек знала, что в нормальные времена люди гораздо дольше жили, и казалось это странным и удивительным, как и многое, о чем читала).

Лицо Судьи пересекала широкая черная лента, прикрывала глаза. Но голову он повернул к подсудимым, словно вглядываясь в них. На деле, понятно, прислушивался – даже если ленту снять, ничего не увидит. А собравшиеся увидят зарубцевавшиеся раны на месте выжженных глаз.

Вот так-то… Власть у Судей огромная, почти беспредельная. От общества они имеют все, что душа пожелает. Еда, питье – самые лучшие. Одежда и все, что еще для жизни нужно, – само собой. Молодки по первому слову мужские потребности Судьи удовлетворят, и не какие-нибудь давалки трехглазые, а справные молодки, тоже самые лучшие.

Но за все в жизни надо платить. Судьи платят глазами. И все равно желающих на эту должность хватает, да не каждого общество берет, с большим разбором…

Рассмотрение дела не затянулось, и так все ясно. Личные прегрешения ни этого конкретного кровососа, ни его пособников никого не интересовали. Ответят за всех своих, за все дела их темные. Сразу перешли к приговору.

– Ты! – палец Судьи устремился прямиком на одного из мобилей. – Ссучился ты, как шавка поганая, братьев своих на шмот и жрачку сменял, стрелял в них и убивал. Повинен смерти! В Колодец его!

Приговоренный, молодой рыжеволосый паренек с несоразмерно развитой кистью левой руки, достойно умереть не сумел. Рыдал, визжал, скулил, рухнул на колени, обнимал ноги своих палачей (пути с пленников сняли, если связанных в Колодец бросать, не так зреющим подыхают).

Не помогло. В десяток рук поволокли к Колодцу, не слушая вопли о том, что, мол, он только-только мобилизован, даже пальнуть ни в кого не успел, не то что убить. Раскачали извивавшееся тело, зашвырнули поближе к центру Колодца.

Слизь пришла в движение, забурлила. Толпа придинулась поближе, теперь не страшно, теперь у Слизи есть пропитание, наружу не выплеснется. А случалось всякое, до того, как поняли, что для спокойной жизни надо Колодец регулярно подкармливать.

Сначала распалась одежда. Была и не стало, парень барабахался голым. Затем, очень быстро, не стало кожи, показалось кроваво-красное мясо.

Мобиль орал не переставая, хотя те, кто со Слизью вплотную столкнулся и каким-то чудом жив остался, рассказывали: боль поначалу совершенно не ощущается, пока Слизь еще до внутренностей не добралась. Таких уцелевших было немного. Однорукий Трофимыч, например. Повезло ему, случился рядом топор и чурбак, на каком дрова кололи, – быстро оттяпали по плечо руку, куда самая малость Слизи угодила, а ниже локтя уже ни кожи, ни мышц не оставалось, только кости сквозь студенистую массу просвечивали.

Вот такая она, Слизь. Все вокруг очень быстро в себя превращает, кроме камня, металлов и стекла. Зато земли в Затопье самые плодородные во всей округе, и чем ближе к Колодцу, тем плодороднее. И если весной посадишь картошку, то и в урожае осеннем будет она же, а в других местах всяко случается, порой такое вырастает, что глаза бы не глядели… Но за все в жизни надо платить.

Марьяша слушала, как орет парень, смотрела, как барабахается, быстро теряя наружные покровы, а затем и то, что внутри. Пыталась вспомнить мать, надеялась ощутить удовлетворение от справедливого возмездия… Но не ощущала. Вместо того пришло чувство, что все неправильно… Не так все должно быть. А как, она не знала.

Скелет, на котором мало что осталось, ушел на дно (если у Колодца вообще имелось дно, многие в том сомневались: дескать, прямиком в адские бездны дыра эта ведет). Кости Слизь тоже оприходует, но они медленнее растворяются.

Подошла очередь второго пленника, тоже из мобилей, – главного кровососа приберегали на десерт. Приговор звучал тот же самый, слово в слово, но мобиль, мужик лет тридцати, его не дослушал. Засандалил кулаком одному из охранников, оттолкнул другого – и пустился наутек.

Едва ли задумал и впрямь сбежать, слишком много людей вокруг столпилось. Может, понадеялся, что сгоряча вслед пальнут, легкую смерть подарят. Как бы не так… Подсекли ноги, навалились, скрутили, поволокли к Колодцу.

Он не вопил, умирал молча, но барахтался тоже отчаянно, словно надеялся выплыть и спастись… Куда там, превратился в слизь, как и первый, – видя и понимая, во что превращается. Это ведь самое страшное в казни колодезной: видеть и понимать, что вот ты есть и прямо на собственных глазах перестаешь быть, исчезаешь, распадаешься… Боль-то что, ее и потерпеть можно, а от слишком сильной все равно люди сознание теряют.

Если на главного кровососа и произвела впечатление страшная смерть его подручных, то внешне он никак страх не проявил. Стоял как стоял, на мир через узенькие щелки век поглядывая.

К этому Судья обратился по-другому:

– Не знаю, откуда ты к нам пришел и за какие грехи наши, но и сам убивал, и парней наших на то подбил, – и, стало быть, их вдвойне виноватее. Повинен смерти!

Кровосос молчал, да и что тут скажешь, чем оправдаешься… Разные здесь приговоры звучали, порой возмущавшие Марьашу, но стояла бы она сама сейчас на возвышении с повязкой на глазах – сказала бы то же самое. Первых двух, может быть, и помиловала бы, а главному из троих гаду другой дороги нет, кроме как к Слизи в гости.

Никто не сомневался, что сейчас прозвучит завершающая фраза приговора «В Колодец его!», но она не звучала и не звучала. Судья о чем-то совещался со смотрящим и хранителем, сошлись почти вплотную, головы сблизили, даже стоявшие поблизости расслышать ничего не могли. Неужели придумывают какую-то новую казнь, небывалую, вовсе уж мучительную, такую, что пострашнее Колодца будет? Это уже лишнее, считала Марьаша, хватило бы и Слизи кровососу.

Посовещались, и Судья заговорил:

– Колодец сейчас сыйтый, не будем зря мясо в него кидать. Он-то, Колодец, сожрет, не подавится, только дай, да прибытка с того обществу никакого. Пусть пока кровосос у вас взаперти посидит. Расспросите его с пристрастием о Базе ихней, ни огня, ни плетей не жалеючи. А через неделю – в Колодец!

Толпа недовольно заворчала. Судья вроде бы все правильно рассудил, и о пользе общества вроде бы подумал, да и секреты кровососов узнать не вредно, все так. Однако перенос главного зрелища, для которого все собрались, разочаровал. Даже Марьашу разочаровал. А Боба вздохнул так, что словно бы ветерок пронесся над головами стоявших рядом, зашевелил им волосы (у кого они оставались, конечно, – лысили нынче слишком рано и слишком часто в сравнении с прежними временами, причем как мужчины, так и женщины).

Кровосос вновь не проявил никаких эмоций при известии об отсрочке казни и об ожидающих его пытках.

Проня нагнулся к самому уху Марьяши, заговорил негромко и быстро:

– Слухи ходят, что у Выры, у хранителя, старший сын к кровососам угодил, на Базу. Чую я, что-то мутят они у нас за спиной, как бы не сказали потом: сбежал, дескать, кровосос, не устремли, а там глядишь, и сынок Выры объявится, чудом спасшийся, тоже как бы сбегший…

Марьаша чуяла другое: что кроме перегара от вчера выпитого, несет от Прони чем-то еще, непонятный запах, но приятный. Потом сообразила: одеколон же! Отец как-то притащил

из Города целую коробку плоских бутыльков, – запах был чуть иной, но похожий. Правда, выла-
кал папаша все очень быстро, дочерям даже одного флакона попользоваться не дал. А Проня,
значит, на себя брызгает… Неужели для нее, Марьяши, старается? Все равно ничего не обло-
мится клоуну, ни сегодня, ни вообще, хоть ты искупайся в одеколоне.

* * *

От Колодца собравшиеся расходились в разные стороны. Кто-то пошагал к Затопью, кто-то в поля, на свои делянки, – возвращались к работе, прерванной ради казни.

А Проня нырнул в кусты, на тропку, ведущую к его Святым Выселкам, – и Марьяша облегченно выдохнула: хотя бы сегодня приставать не стал. И зачем, спрашивается, одеколон изводил? Неужели подыскал себе другую зазнобу? Странное дело: вроде бы радоваться надо такому повороту, а Марьяша ощущала нечто вроде ревности… Или не ревности, она плохо понимала, что это за чувство, о котором так часто читала в книгах.

Однако Проня, едва сунувшись в кусты, тут же вернулся назад, хлопнув себя по лбу.

– Слу-ушай, что сказать-то забыл, – обратился он к Марьяше. – Сюда как шел, что видел… К коптильням кто-то интересных дровец притащил, вернее, растопки, да все не извел, еще валяются. Книжки старые. Подумал сразу, вдруг тебе интересными будут, да как-то, значит, с головы вылетело с судом да с казнью.

Марьяша знала, что где-то тут неподалеку есть ямы, где коптят целиком туши застреленных в лесу зверей, но сама там не бывала, ей ни к чему.

– Далеко отсюда лежат? И много их? – спросила она, уже прикидывая, в чем и как понесет добычу.

Заберет все, а после дома разберется, что можно почитать… Оставшийся от деда сундук, стоявший на чердаке, тоже был набит самыми разными книгами. Наверное, когда растаскивали поселковую библиотеку, дедуля брал все, что подвернется под руку, не глядя на названия. Многие книжки, непонятные и скучные, Марьяша читать не смогла. Другие (тоже во многом непонятные, но хотя бы интересные) были признаны годными к употреблению, однако их запас подходил к концу, а она приохотилась к чтению и уже подумывала: а что же дальше, когда прочтет последний томик из отложенных? Очень удачно и очень вовремя случилась Пронина находка.

– С полсотни, наверное, будет. Даже больше, но некоторые уже пообуглились, обгорели по верхам. А целых с полсотни навскидку, а так-то я не считал.

Пятьдесят нечитанных книг… Клад, настоящий клад.

– Далеко до них? – повторила она свой первый вопрос.

– Да нет… Где новая яма, недавно выкопанная, знаешь?

Она лишь покачала головой. Откуда ей знать, если даже у старых ям бывать не доводилось.

– Пойдем, покажу… Недалече это, во-он за теми кусточками. И дотащить помогу, если приглянутся, сама-то не осилишь.

Марьяша поискала взглядом Бобу… Не хотелось ей принимать помощь Прони, и вдвоем с ним уходить в кусты не хотелось тоже. Боба без труда хоть сотню томов дотащит, хоть полторы, а вместо мешка можно использовать его безразмерную хламиду.

Но детинушка был сильно занят. Держал в громадной лапе сразу пяток пирогов и торговался с Матреной-сухоножкой об оплате. А если Боба занят тем, что промышляет пищу, ни с чем другим к нему лучше не обращаться, все равно толку не будет.

Марьяша чуть подождала, но торг отчего-то затягивался. Мука в начале лета дорогая, и, скорее всего, запросы у хромоногой оказались выше, чем стандартное «натаскай воды и

расколи дрова», – даже обычно покладистый Боба возмутился непомерными расценками на выпечку.

Проня поторапливал: дескать, глянь на небо, явно дождь собирается, и ему самому мокнуть не с руки, до Свиных Выселок шагая, да и книжки от сырости в негодность придут.

Последнее обстоятельство решило дело, пошагали к коптильной яме вдвоем. Марьяша крикнула Бобе, чтобы догонял, как сковорится, – но едва ли была услышана, думал человек-гора сейчас исключительно своим ненасытным желудком и слышал лишь Матрену.

«Станет руки распускать – закричу», – решила Марьяша. Народу вокруг еще много, кое-что на выселки этой же кустистой пустошью шагает.

«Во-он за теми кусточками» оказалось понятием растижимым. Миновали вроде бы те кусточки, оказалось: «да вон же полянка за деревьями виднеется, там и лежат», и пришлось еще шагать и шагать.

Книги на полянке не лежали. И даже коптильной ямы там не было. Зато лежало на траве расстеленное покрывало и на нем две подушки, неровно сшитые и набитые сеном.

Марьяша обернулась к Проне, уже открыв рот, чтобы высказать все, что думает, – да так и замерла с раскрытым ртом.

Похотливый кобелина успел спустить портки, одним движением распустив на них завязку. И Марьяша поняла, что уродство после Трындца у Прони проявилось, да только он скрывает, прячет его. Отчего у Прони не заживаются жены, поняла тоже.

На Марьяшу нацелился, чуть не упираясь ей в живот, детородный орган чудовищных размеров. С руку до локтя, а то подлиннее, а на конце несоразмерно толстый, покрытый какими-то шишками, наростами, даже на вид шершавыми.

Не то чтобы она была великим знатоком мужских достоинств, но случалось и купаться с парнями, пока мать не запретила, и другие оказии выпадали увидеть…

– Нравится? – спросил Проня с неподдельной гордостью. – Твой будет. Поняла, дура, от чего отказывалась?

Она не стала втягиваться в диспут об увиденном, молча попыталась сбежать. И не догнал бы Проня, со спущенными портками не особо побегаешь, да больно уж близко к ней стоял. Успел схватить за плечо, опрокинуть. Марьяша рухнула на покрывало, угодив головой мимо подушек. Проня, пыхтя, навалился сверху, коленями раздвинул ей ноги. К запахам перегара и одеколона теперь присоединился запах пота и чего-то еще мерзкого…

Попыталась крикнуть – губы тотчас же притиснула ладонь. Попыталась укусить ее – ладонь на миг отлипла и тут же прилетел кулак, разбил в кровь губы. Ладонь вернулась на место, а Проня прошипел:

– Еще куснешь, все зубы вышибу.

Она мычала носом, и ей казалось, что получается громко, но сама понимала: никто не услышит и не поможет. А даже и услышит, все равно не поможет. Эка невидаль, девку дерут не совсем по согласию. Пустяки, дело житейское. К Судье с жалобами на изнасилования давно перестали обращаться, а поначалу-то он прописывал всем жалобщицам пяток плетей с фор-мулировкой: если сучка не захочет, на нее кобель не вскочит…

Возможно, с кем другим она смирилась бы и потерпела, но понимала: кошмарный Пронин агрегат все раздерет внутри, изуродует. Понимала и продолжала сопротивляться, пыталась выскользнуть из-под насильника, но силы были слишком неравны. Даже ладонь от лица двумя руками отлепить не удалось.

– Да ты расслабься, сучка, расслабься… – пыхтел в лицо Проня перегаром, одеколоном и потом.

Дело у него не заладилось… Подол-то он задрал, и ветхое исподнее порвал в ключья, и орудие было в полной боевой, да только никак не удавалось его запихать.

Она воспользовалась заминкой и попыталась дотянуться до Лизки. Вдруг та рядом, вдруг спасет, как в тот раз? Ворвалась к сестре в голову, плюнув на обычную свою деликатность, – и тут же поняла, что Лизка ей не поможет...

И завопила что есть мочи. Не голосом завопила, понятное дело, – ладонь оставалась на разбитых губах. Заорала мысленно, ни к кому конкретно не обращаясь с призывом о помощи, вернее, обращаясь ко всем разом.

И все закончилось.

Исчезла навалившаяся тяжесть, коктейль из пота, одеколона и перегара не терзал больше обоняние.

Глаза были полны слез, и Марьяша не сразу разглядела, что Проня никуда не исчез, что повис в воздухе, словно бы подвешенный на колодезном журавле. Но то был не журавль, то был Боба... Ухватил насильника за шкирятник, держал на вытянутой руке без малейшей натуги. Другая рука, сжатая в кулак с приличную тыкву размером, методично била Проню по лицу. Лупцевал его Боба неторопливо, сосредоточенно – и никак не проявлял эмоций, на лице застыло серьезное и задумчивое выражение. Как будто детинушка колол дрова, отрабатывая пироги Матрены.

Лежал бы Проня на земле, или стоял бы, прислонившись к стене, – тут бы и сказочке конец. Но он болтался в воздухе, и это несколько смягчало силу ударов. Однако и без того кровавое месиво мало чем напоминало человеческое лицо.

– Хватит с него, убьешь, – сказала Марьяша, мстительно выждав некоторое время.

Жестоким Боба не был, чужие мучения никакого удовольствия ему не доставляли. Однако абстрактного сострадания к чужим не испытывал и незнакомцев не жалел, за сегодняшней жестокой казнью наблюдал с любопытством, но без особых эмоций. При своей чудовищной силе мог запросто убить или покалечить, рассудив невеликим разумом, что человек заслуживает наказания. Либо вступившись за тех, кого считал своими. Либо по просьбе кого-то, если относился к просившему с любовью или уважением.

После слов Марьяши Боба ударил еще разок и оглядел дело рук своих. Окровавленная тушка признаков жизни не подавала. Удовлетворенно кивнув, Боба поднатужился – и Проня отправился в свободный полет, вломился в кусты на противоположном краю поляны и исчез из вида.

Марьяша подскочила к спасителю, обняла, прижалась к необъятной груди и бурчащему брюху.

– Боба, Боба, Боба... – говорила она, поглаживая его хламиду, и ничто другое на ум нешло.

– Я молодец?

– Конечно, молодец! Молодцовее не бывает!

– Я, пожалуй, Лизу больше любить не буду, – сказал Боба. – Я решил, что тебя хочу любить. Ты согласная?

Да что же за день такой... Не угодить бы из огня да в полымя... Она аккуратно, осторожно глянула вниз, но ничего подозрительного не обнаружила под широченными портками Бобы. Видать, в этом смысле он тоже еще ребенок...

– Хорошо, люби, – разрешила Марьяша. – Вот только...

И тут Боба с оглушительным звуком испортил воздух, прервав ее реплику. Пироги Матрены начали действовать.

– ...беда случилась, Бобочка, – закончила Марьяша, делая вид, что ничего не произошло.

– Я нечаянно.

– Я не о том.

– А-а-а... так это... Так он... тебя... это...

– Не успел, и я опять не о том... С Лизой беда. Спасать ее надо, Боба.

– Спасем, – сказал Боба просто и с беспредельной уверенностью, даже не поинтересовавшись, что за беда стряслась.

И показалось на миг, что действительно спасут, если в союзе с этой чудовищной силой выступит нормально соображающая голова. Но тут Боба вновь издал протяжный и раскатистый звук, безнадежно испортив и воздух, и торжественность момента.

Марьяша поняла, что проблем с таким спасателем не оберешься…

Глава 3

Совещание в узком кругу (ход черной ладьей)

База сильно приросла за год, что миновал с выхода на поверхность. Прирастала, разумеется, надземной своей частью. Первым делом возвели периметр – с запасом огородив приличный кусок территории, чтобы не тесниться, когда позже возникнет надобность в постройке новых зданий и сооружений. Колючка, спирали Бруно, минные поля, системы слежения… на них надежды было больше, чем на огневые точки, поначалу людей для охраны катастрофически не хватало. Для грамотного и профессионального противника такой периметр не стал бы непреодолимой преградой. По счастью, воевать с профи пока не доводилось: осенне «наступление» мутантов было спланировано курам на смех…

Внутри успели взвести здание штаба и казармы для добровольцев и мобилизованных. Ну и еще кое-что по мелочи: забетонировали плац, воздвигли высоченный флагшток с триколором, а под ним, невзирая на всю нехватку людей, постоянный пост и металлическая табличка со словами: «Отсюда, с этого места, началось возрождение России», – в очередной раз проявилась склонность Полковника к патетике, причем ни в малейшей мере не наигранная, он всерьез рассчитывал угодить в будущие учебники истории. Ковач, неисправимый скептик, подозревал, что таких «возрождателей» сейчас немало в разных отдаленных и не очень уголках рухнувшей страны.

…В новеньком здании штаба (запахи краски и свежераспиленного дерева еще не успели выветриться) проходило совещание. Текучки накопилось изрядно – минувшую неделю Полковник пролежал в медчасти и совещания не проводились, – но обыденные вопросы не стали предметом обсуждения: неординарное событие заставило Полковника собрать самых доверенных.

Обычно в экстренных случаях собирались в шестером, но сегодня за длинным столом сидели пятеро. Отсутствовал Кирилл Званцев, и. о. начальника штаба, он же Малой, сын Полковника.

* * *

– Что происходит? – спросила мадам Званцева так, словно и впрямь провела последние пару недель где-нибудь на далеком курорте, отрезанная от информации, и ничего о произошедшем не знала, не ведала.

– Что вообще происходит?! – с нажимом повторила она, как будто с первого раза вопрос мог не дойти до присутствовавших на совещании.

Ковач проигнорировал риторический вопрос. Сидел, вертел в пальцах остро заточенный карандаш и представлял, какая станет у мадам рожа, если этот карандаш воткнуть ей в жирную щеку. Филин тоже молчал, но тот молчал всегда, реагировал лишь на прямые вопросы, да и то не на все.

– Успокойся, – негромко попросил супругу Полковник.

– Я не успокоюсь! Где наш сын? Почему эти люди отправили его непонятно куда и непонятно с кем? Что, мать вашу, происходит на Базе?

Мадам уставилась на Ковача и явно ждала ответа. Он и в самом деле отвечал за обеспечение всех выходов за периметр, но не желал отвечать на вопросы, задаваемые таким тоном. Тем более что мадам исполняла должность зампотыла и формально не являлась начальством для Особого отдела.

– В самом деле, Валера, объясни, – поддержал Полковник супругу. – С какого хрена выручать попавшего в плен разведчика отправился мой сын?

– Никто майора Званцева никуда не отправлял, – сухо ответил Ковач. – Он действовал самостоятельно, причем в пределах своих должностных полномочий, установленных приказом сто восемнадцать дробь четырнадцать от седьмого мая прошлого года. Вот копия приказа. Подпункт семь-один перечисляет всех, кому разрешено покидать Базу без моего ведома и согласия. Второй в списке майор Званцев.

– Подготовился… – буквально-таки прошипела мадам.

Разумеется, майором Малой был липовым. В старые добрые времена нигде, ни в одной стране мира командир воинской части не мог присваивать такие звания своим единоличным решением. Но те времена прошли и едва ли вернутся. Так что пусть считается майором, – для большего авторитета у мобилизованных, – свои-то весьма скептично относятся к майорским погонам Малого.

– Но почему он? Почему именно он? – не отставала мадам. – Больше послать некого было?

Когда мужчина за сорок берет замуж девушку на двадцать лет себя младше, в общем-то можно ожидать, что та приберет к рукам власть в семье. Даже если мужчина – офицер, привыкший командовать. У офицеров тоже есть свои слабости. Но обычно все семьей и ограничивается. Второй же брак Полковника привел к тому… вот к этому самому и привел: годы спустя в штабе части расцвел матриархат… Ковач не сомневался, что Сергей, старший сын Полковника от первого брака, примкнул к раскольникам во многом из-заластного характера мачехи.

От необходимости отвечать Ковача избавил доктор Рымарь.

– Все очень просто, – сказал он. – Кирилл весьма заинтересовался девушкой.

– Какой еще девушкой?

– Той самой. Приманкой, на которую поймали Самурая. Ты разве не видела запись?

Мадам покачала головой. Смотрела на Рымаря недоуменно и подозрительно. Словно подозревала, что доктор дурит ей голову. ЕЕ СЫН заинтересовался какой-то мутанткой? Что за ерунда…

– Тогда давайте еще раз посмотрим это небольшое эротическое кино. Разрешите, господин полковник?

* * *

– Останови и отмотай немного назад, – попросила мадам. Подробности пленения Самурая ее не интересовали, равно как и судьба пленника.

Рымарь выполнил просьбу, и мадам долго разглядывала изображение, застывшее на экране.

– Ты хочешь сказать, что мой сын соблазнился этой вот грязной и подтощалой мартышкой? Даже не встречавшись с нею, словом не перемолвившись, только из-за дурацкого кино?

Судя по интонации, мадам лишь большим усилием воли удавалось не сорваться на крик.

Полковник молчал. Никак не комментировал странные, по мнению мадам, на грани зоофилии, опять же по мнению мадам, вкусы сына. В пепельнице перед ним дымилась сигарета, но командир Базы ее не брал, ко рту не подносил, и сигарета медленно превращалась в столбик пепла, а рядом с ней лежали два сигаретных фильтра, чуть обугленных с одного конца. Именно так теперь Полковник курил, после того как Рымарь ультимативно заявил: известная дилемма «куриТЬ или жИТЬ» для данного конкретного пациента не метафора и не преувеличение. Не сразу после, если честно, – с год обманывал себя урезанной до предела дневной нормой и сигаретами, укороченными ножницами… Но закончилось этим: ароматный дымок над пепельницей и не более того.

– Почему мартышка? – сказал Рымарь как можно более примирительно. – Для своих лет нормально развита, ни единого внешнего признака мутации… А отмыть и откормить недолго.

Градус недоумения во взгляде мадам Званцевой увеличился, словно Рымарь излагал мысли на непонятном ей языке. На арабском, например.

– К тому же разве у него был выбор? – спросил доктор. – Скажи спасибо, что не приглядел тебе невестку с лишней парой конечностей.

Мадам побагровела, набрала полную грудь воздуха и явно собиралась сказать не «спасибо», а куда более нелицеприятное мнение о гипотетическом пополнении семейства Званцевых невесткой.

– Довольно! – пресек попытку Полковник, хлопнув ладонью по столу. – Что за дичь вы несете? Какие невестки? У нас угодил в плен офицер, знающий ВСЁ о системах безопасности Базы. У нас третий час нет связи с группой Кирилла, а вы…

Звук зуммера прервал его речь, Полковник нажал клавишу селектора.

– Просил не беспокоить! Что еще стряслось?

– Майор Званцев вышел на связь, – прозвучал из динамика искаженный голос дежурного. – Они возвращаются, ориентировочно через полтора часа будут на Базе.

– Похитителей нашли? Самурая освободили?

– Неизвестно, была плохая слышимость, очень высокий уровень помех.

– Как прибудут, немедленно дождить, – приказал Полковник и дал отбой связи.

– По моей информации, капитан Смуров уже в Затопье, – сказал Ковач. – Оттуда майор Званцев его вытащить никак не мог.

– Значит, будете вытаскивать вы, ты и ты, – полковничий палец по очереди указал на Филина и на Ковача. – Три часа вам на предварительную разработку плана. И чтобы без волонтеризма! Сил для наступления через болота у меня нет.

Ковач и сам понимал, что сил для войсковой операции против Затопья пока недостаточно… В трех батальонах мобилизованных – в строительном и в двух охранных – личного состава меньше, чем в ротах прежнего времени. Да и вояки из мобилей, как их ни натаскивали, никудышные. Без поддержки бронетехники много не навоюют, а она через трясины не пройдет, завязнет. Отдельная рота добровольцев более боеспособна, и лишь у них имеется что-то посеребренное карабинов и ручных гранат: автоматы, легкие и станковые пулеметы, гранатометы. Но ротой бойцы числятся лишь по названию, а на деле их чуть больше пяти десятков стволов. О старой гвардии, о недавних подземных сидельцах, и говорить не приходится: все наперечет и каждый на вес золота. Они все на командных должностях либо занимаются тем, что мобилям не доверишь: обеспечивают связь, управляют техникой, причем из-за дикой нехватки кадров совмещают по две-три штатные должности разом.

В общем, при всем подавляющем огневом и техническом преимуществе речь о штурме Затопья нечего и заводить… Конечно, рано или поздно придется разбираться с этим оплотом бандитов, до сих пор изводящих мелкими диверсиями и нападениями. Но не сейчас.

Спасти Самурая можно спецоперацией, послав небольшую группу отборных людей. Либо попробовать выкупить или обменять… Оба варианта представлялись Ковачу крайне сомнительными. Гораздо более вероятно, что скоро у командира разведчиков появится новый заместитель. А о Самурае будут говорить с добавлением эпитета «покойный».

– Совещание закончено, идите и… ох… – Полковник неожиданно скривился, прижал ладонь к солнечному сплетению.

– Что с тобой? – тревожно спросила мадам.

Любила она супруга или нет, вопрос более чем спорный. Но хорошо понимала: если овдовеет именно сейчас, до того, как сын успеет прибрать к рукам реальные рычаги власти, – о прежнем влиянии придется навсегда позабыть.

Полковник не отвечал, тяжело опустился на кресло, массировал грудь через мундир. Ковач знал, что госпитализировали на всю минувшую неделю командира Базы отнюдь не с простудой, как было официально объявлено (хотя и впрямь ОРВИ протекали у всех тяжело, организмы после двадцати лет под землей оказались не готовы к новым штаммам, появившимся на поверхности), – но о точном диагнозе не имел понятия: его информатор, фельдшер из мобилизованных, только начал постигать азы медицинской науки. Но и без того ясно, что Полковника недолечили. Сорвался с больничной койки из-за новостей о Самурае и сыне.

– Сердце? – не отставала госпожа зампотыл.

– От манды дверца! – рявкнул Полковник.

И на мгновение напомнил себя пятнадцатилетней давности – выигравшего жестокую подковерную схватку за власть на подземном объекте, подавившего два бунта. Но тут же сник, сгорбился, еще сильнее скривил лицо в гримасе – и вновь стал выглядеть тем, кем и был: очень немолодым и очень нездоровым человеком.

– Идите, идите, – сказал Рымарь. – Я тут сам разберусь.

Полковник лишь рукой махнул, подтверждая слова доктора.

К дверям пошагали лишь двое из пятерых, Ковач и Филин. Мадам тоже осталась в кабинете мужа – директивно, не спрашивая разрешения.

* * *

Филин за все совещание не произнес ни слова. И лишь когда они прошли через приемную, забрали у дежурного оставленные на хранение пистолеты и очнувшись снаружи, он обратился к Ковачу:

– Потолкуем? – и кивнул на дальний конец коридора, где находился его кабинет.

– Там лучше не надо. Пойдем на улицу.

Филин смотрел недоуменно, и особист ответил ему без слов, пантомимой: изобразил пальцем вращательное движение возле уха, затем с виноватой улыбкой развел руками. Не объяснять же вслух, что после начала строительства со склада были изъяты семьдесят комплектов подслушивающей аппаратуры (причем без записей в складских документах) и переданы в распоряжение и. о. начальника штаба, проще говоря – Малого. Места установки примерно половины комплектов Ковач отследить так и не сумел, а детектора для обнаружения «жучков» у него не было – ассортимент хранившихся на базе запасов был огромен, но все же не безграничен. В любом случае кабинет Филина едва ли остался безнадзорным. Владелец бывает там редко, но порядок есть порядок, свои «жучки» Ковач в том кабинете тоже держал.

Понял командир разведчиков пантомиму или нет, но направился к выходу из штаба. Вышли на улицу, синхронными движениями нацепили темные очки. Кожа почти у всех после двух десятилетий в штолнях постепенно вновь приспособилась к ультрафиолету, перестала краснеть и воспаляться. С адаптацией зрения дело обстояло хуже. Рымарь уверял, что это временное неудобство, что пройдет. Но месяц тянулся за месяцем – не проходило...

– Вон там давай присядем, – предложил Ковач. – В ногах правды нет.

Неподалеку громоздился штабель сосновых бревен, привозили их издалека, чуть ли не за сотню километров, стволы местных перекрученных деревьев для строительства не годились. Разведчик и особист уселись на бревно, лежавшее на особыцу от остальных, закурили.

– Совсем плох Дед, – по привычке забросил удочку Ковач. – Надо что-то решать, Слава.

Разумеется, заброшенная удочка осталась без поклевки. Филин просто промолчал, благо прямого вопроса не прозвучало. Неторопливо затягивался табачным дымом, будто и в самом деле вышел из штаба на обычный перекур и вскоре вернется к служебным обязанностям.

Филин, кстати, – это не прозвище, а фамилия. Хотя и прозвище одновременно тоже, судя по тому, как его склоняют, например, говорят: встретился с Филином, а не с Филиным. А все

потому, что Филин отчасти похож на одноименную птицу: лицо овальное, нос крючковатый, глаза, правда, не желтые, но большие, навыкате. И оттого-то все думают при знакомстве, что представился им командир разведчиков прозвищем, которого у него никогда и не было, фамилии хватало...

– От нас ждут план через три часа, – напомнил Ковач. – Имеешь какие-то соображения?

Филин продолжил медитативно курить и лишь после долгой паузы выдал не соображение, а вопрос:

– У тебя есть агенты в Затопье?

Вопрос был по меньшей мере бес tactным и отчасти оправдывался лишь экстраординарными обстоятельствами. Тайный агент на то и тайный, чтобы знал о его существовании лишь куратор и больше никто.

– Есть, – коротко ответил Ковач.

– Смогут или сможет скрытно провести ДРГ через топи? Небольшую, пять-шесть бойцов. Возьму с собой лучших. Справимся.

– Исключено, – отрезал Ковач и не стал ничего объяснять, не иначе как подцепив вирус лаконизма от Филина.

Разведчик снова помолчал, поразмыслил... Однако размышляй не размышляй, оба понимали: без проводника рейд диверсионно-разведывательной группы через топи ничем хорошим не обернется.

– Выкуп? – подвел Филин итог раздумий, не тряся слов на констатацию очевидного: не стоит заниматься обсуждением силовой операции, обреченной на провал.

– С этим сложно... Я ночью встречался с агентом. Он там среди мутантов в большом авторитете, но вытащить Самурая не взялся, что я ему ни сулил. Лишь пообещал мне: устроит так, что сразу не убьют, несколько дней отсрочки мы получили... Но на том и все. Говорит, что его самого в Колодец пристроят, если выпустит. Ты ведь знаешь, как они казнят?

– Наслышен. А побег устроить не сможет?

– Не берется...

Ковач врал, не моргнув глазом. На самом деле за побег Самурая он расплатился сегодня ночью. Вот только доверия к получившим оплату нет ни малейшего, и рычагов воздействия на них почти нет. Так что лучше пока помолчать... Сложится все удачно – все лавры за успех ему, Ковачу. Не сложится – так ведь и не было ничего, никакой растраты фондов Особого отдела, о чём вы, право...

Филин переваривал информацию с минуту, не меньше, и выдал вердикт:

– Вертолет. Иначе никак.

Особист тяжело вздохнул...

* * *

Вертолет у них имелся. Единственный.

И его использование было давней мечтой. Не тыкаться вслепую по земле, установить надежный контроль над обширной территорией... Ни во что реальное мечта пока не воплотилась.

Вертолет был не военного образца: ни Ка-52, ни Ми-24 в штолни не затащить, даже разобрав на части. Возможно, многоцелевой Ми-8 поместился бы в том подземном ангаре, где стояла колесная и гусеничная техника, размеры у него поскромнее. Но хранился на складе в одном экземпляре вертолет совсем небольшой, гражданский, к тому же импортный, – «Робинсон». Даже расцветка у него была не камуфляжная, а белая с голубым.

И все равно вертолет – это вертолет. Десант с такой машины не высадишь, но для разведки она куда пригоднее, чем квадрокоптеры с видеокамерами (у тех длительное хранение

крайне отрицательно сказалось на надежности, особенно на аккумуляторах, – каждый второй беспилотник вообще не взлетал, остальные слишком часто ломались в полете и падали). А установить крупнокалиберный пулемет – будет отличная огневая поддержка с воздуха, притом что ни у кого из противников нет даже намека на средства ПВО.

«Робинсон» достали из-под земли, расконсервировали. Но на том все и застопорилось.

Во-первых, не было подходящего горючего. Армейскую солярку можно хранить десятилетиями, ничего плохого с ней не случится, сейчас и грузовики, и бронетранспортеры исправно ездили на древнем дизельном топливе. С качественным бензином все печальнее, длительного хранения он не выдерживает, разлагается. Вернее, разлагаются присадки, обеспечивающие высокое октановое число, что сути дела не меняет: после нескольких лет хранения такое топливо годится лишь для разжигания костров или заправки зажигалок.

Составные части для приготовления авиационного бензина в штольнях лежали, хранились по отдельности. Не было специалиста-химика, способного составить правильный коктейль из ингредиентов. Набодяженные на глазок смеси двигатель вертолета вроде бы «кушал», но проверяли на земле, на холостом ходу, а как оно пойдет в воздухе, никто понятия не имел.

Во-вторых и в-главных, не было пилота. А осваивать летное дело самоучкой, без опытного инструктора, чревато... Тем более что никаких учебников по пилотированию в электронной техбиблиотеке не нашлось, была у них лишь бумажная и толстенная, почти на полторы тысячи страниц, эксплуатационная инструкция к «Робинсону», дурно переведенная с английского.

Вопрос отложили до лучших времен. Понадеялись, что рано или поздно повезет, что отыщется в одной из деревень вертолетчик из прежних времен... Или же человек, имевший некогда «Робинсон» в личной собственности, эта вертушка была в свое время очень популярна у пилотов-любителей... Но пока ни профессионалы, ни любители не встречались.

* * *

– Вертолет, – сказал Филин. – Иначе никак.

Ковач вздохнул... Командир разведчиков был главным сторонником того, что надо все-таки рискнуть и поднять единственную вертушку в воздух. Вечерами занимался самообразованием, штудировал толстенный талмуд инструкции, заявив, что никого заставлять не будет, что в пробном полете рискнет своей головой.

– Дед не разрешит, – сказал особист и без того обоим известное.

Филин, известный тугодум, опоздал и протупил... А ведь имел сегодня шанс – надо было добиваться согласия Полковника до того, как стало известно: Малой цел и возвращается.

– Тогда обойдусь без разрешений. Кто мне помешает? Ты?

В интонации ясно слышалось: даже не пытайся, целее будешь.

Как же все запущено... Пять лет назад, да что там пять, даже год назад такого разговора даже представить было нельзя. До сих пор, образно говоря, постепенно ослабевали вожжи, управлявшие их повозкой... А теперь разом выпали из рук занедужившего Полковника. Малой самочинно отправляется на захват приглянувшейся девицы, Филин единоличным решением собрался учредить BBC под своим командованием. Какие еще мысли и намерения зреют у других начальников служб и у комбатов? Поди знай...

Возможно, Ковачу стоило бы сейчас плонуть на все внешние проблемы и сосредоточиться на том, что назревало внутри периметра. Однако нельзя... Мутанты оправились после осеннего разгрома, активизировались, используют новую тактику. Захват Самурая и половины его группы – самая настоящая спецоперация. Спланированная, скорее всего, дилетантам, но талантливым. Теперь уже ясно, что слух о Чистых был сфабрикован и вброшен сразу через несколько источников. А это значит, что некоторые агенты Ковача расшифрованы и использу-

ются как источники дезинформации (а ведь раньше разоблаченного шпиона без затей зарезали бы или швырнули в Колодец). Либо часть агентуры изначально двойные агенты, что ничем не лучше. В любом случае группу Самурая целенаправленно вывели туда, где все было готово к встрече. Не вмешайся случайность в лице какого-то левого агрессивного мутанта с арбалетом, захватили бы всех.

И если проигнорировать все новые тенденции в противостоянии с мутантами, то Базу прикончит внешняя атака вместо внутренней смуты, а хрен редьки не слаше. Хоть ты разорвись, хоть сдохни от недосыпа, но надо успевать все, отслеживать все угрозы и оперативно на них реагировать.

Он играл одновременно несколько партий на нескольких досках. Везде черными, такие уж правила. Ставка везде одинаковая: своя голова, и головы тех, за кого он в ответе, и судьба дела, в которое верил и которому отдал двадцать с лишним лет. Дебют на всех досках тоже один и тот же: защита Ковача, очень жесткий дебют, белые рвутся вкатить быстрый мат...

Он не жаловался. Ни вслух, ни сам себе в одиночестве. Он привык к таким играм и будет играть, пока жив... А проигрышней у него не было, раз пока жив. Пока не было...

Он привык выигрывать, надеялся выиграть и сейчас... Только вот спать очень хотелось. Организм ненавязчиво намекал, что пятьдесят пять – это пятьдесят пять.

«Сдохну, – подумал Ковач, так и не ложившийся после ночной поездки на конспиративную встречу. – От недосыпа».

Филин, не дождавшись от особиста возражений касательно вертолета, добавил жару. Подкинул дровишек в костер. Произнес:

– А если они все-таки Самурая того... я расконсервирую «Ураганы». И сожгу Затопье. Со всеми, кто там живет. Буду лупить по площадям. На три метра вглубь перепахаю. Лунный пейзаж останется.

После такого пассажа заводить речь о согласии или несогласии Полковника смысла уже не было... Да и вообще разговор пришлось закруглить: подтянулись с обеда мобили из стройбата, трудившиеся на распилке бревен.

Пилили, кстати, самым примитивным способом, дедовским: помост, под ним двое, наверху еще двое, – и тягают в четыре руки вверх-вниз здоровенную ручную пилу. А что делать? Доски для строительства нужны, а деревообрабатывающих станков в штолнях не нашлось, ладно хоть эту пилу выменяли у мутантов на консервы...

Разведчик с особистом отошли в сторонку. Ковач произнес под аккомпанемент визга пилы:

– Я поддержу твою идею с вертолетом. Других вариантов и вправду нет.

На том и распрошались. Ковач вернулся в штаб, Филин пошагал в сторону казармы, где квартировали его разведчики.

Визг пилы смолк, на помост подавали новое бревно. Один из пары мобилей, трудившихся наверху, проводил взглядом уходивших офицеров и негромко произнес словно бы в пустоту, будто обращался вовсе не к стоявшему рядом напарнику:

– Начинаем сегодня ночью. Передашь своему.

Напарник тоже не повернул головы и сказал, адресуясь к пиле:

– Сделаю.

* * *

Больше всего хотелось поспать, прикорнуть прямо здесь, в кабинете, на диванчике. Но Ковач упрямо возился с документами. И с электронными, и с рукописными, последние были нацарапаны на помятой бумаге, зачастую трудно читаемым почерком, – донесения от внешних агентов, извлеченные из закладок.

Он просеивал груды информационной руды, пытаясь найти ответ на вопросы: что за новый сильный игрок объявился у мутантов? Кто планировал последние операции?

Ждать, что еще придумает этот «икс», нельзя. Вычислить – и уничтожить, либо перетянуть на свою сторону. Второе предпочтительнее.

Ковач продолжал насиловать свои слипавшиеся глаза, вчитываясь в буквы на экране и буквы на бумаге. Но ответов пока не видел... Или видел, но уставший мозг не понимал увиденного, не находил имевшуюся связь между вроде бы разрозненными фактами.

Некоторые сообщения представляли интерес, и немалый. Сразу несколько источников доносили, что у мутантов начали появляться новенькие, в консервационной смазке, патроны калибра 7,62. Разумеется, новенькими они не были, – старенькие, но хранившиеся в правильных условиях, на Базе. Кто-то из своих ударился в крысятничество и наладил нелегальный канал поставок.

По-хорошему надо было немедленно начинать расследование и вычислять крысу, пока та не вошла во вкус и не переправила мутантам кое-что посерезнее... Например, минометы с боекомплектами.

Однако Ковач лишь переложил сообщения в отдельную папку, – в картонную с тесемками-завязками. Займется, но чуть позже.

Рапорт разведчика с позывным Гном он просмотрел на экране. Разведгруппа Гнома пыталась нащупать и оттрассировать безопасный для техники путь через Большое Болото, образовавшееся на дне бывшего Нарвского водохранилища, – вода оттуда ушла, но во всех локальных понижениях дна сохранились непролазные скопища ила, не позволяющие ни идти, ни плыть, ни ехать на любом виде транспорта... Разведчики нащупывали путь по возвышенностям и преодолели две трети расстояния до западного берега, когда натолкнулись на кое-что интересное... На следы колес. Судя по сделанным снимкам, оставил их БТР-80 или другая машина того же семейства, на такой же колесной базе.

Событие не самое ординарное... Впервые за год активной разведки на все более расширяющейся территории они натолкнулись на следы людей, не впавших в дикость, не вернувшихся к самым примитивным формам хозяйства (хотелось надеяться, что все же людей, а не мутантов, сумевших каким-то чудом сохранить технику и горючее для нее). Возможно, следы оставили заболотники, о которых у местных ходят множество легенд-страшилок.

Поразмышлив над рапортом несколько секунд, Ковач отправил его в папку, на сей раз компьютерную, озаглавленную «Позже». И продолжил свой заплыv в информационном море.

Наконец удалось зацепить кое-что интересное, имевшее отношение к тем проблемам, что заботили сейчас особыста больше всего.

Небольшой, в половину ладони размером, бумажный листок постоянно норовил свернуться в трубочку, вернуться в ту форму, в какой лежал в тайнике. Обе стороны были густо исписаны, почерк мелкий, но четкий, хорошо читаемый. Большая часть содержания интереса не представляла: выжимки из болтовни, звучащей в местном аналоге трактира, в одной из замиренных деревень.

Какого только пьяного бреда там не несли. Например, дикая история об организме, бродящем по окрестным деревням и выдающем себя за святую Троицу. Один. За Троицу. И якобы кто-то даже уверовал...

Тем не менее информатор имел задание все прилежно фиксировать. Ценную информацию по синьке тоже выбалтывают.

В разговоре, сжато пересказанном в донесении, зашла речь о ценах на базаре, организованном рядом с Базой, с внешней стороны периметра. И мутант по прозвищу Сыч после нескольких кружек свекольной сивухи заявил: ездить на базар без острой нужды незачем, а уж делать накопления в платежных бонах, выпускаемых Базой, так и вовсе глупо. Потому как «кровососам скоро кранты». Появились, дескать, люди, поклявшиеся всех кровососов под

корень извести. Их немного, но ребята боевые и под пулеметы дуриком не попрут. А командир их «здоровово умеет шарить в чужих мозгах».

Больше ничего интересного Сыч не сказал, разговор ушел в сторону. Однако его слова «умеет шарить в чужих мозгах» привлекли внимание Ковача. Поведение Самурая перед захватом, зафиксированное объективом камеры, попадало именно под такое определение. Как будто в голове у разведчика пошарили, и не слабо, аннулировав не только все навыки бойца, поднаторевшего в беспощадной партизанской войне, но и банальный инстинкт самосохранения. Одно только выражение лица, на пару секунд угодившее в кадр, чего стоило... Ковач не мог припомнить, чтобы видел такую блаженную физиономию у разведчика за долгие годы знакомства. Точно, в мозгах пошарили.

Он написал крупными буквами на чистом листе: СЫЧ. Обвел овальной рамкой, затем медленно скомкал лист, кинул в мусорную корзину.

Взять Сыча и вывернуть наизнанку не проблема. Скорее всего, он по пьяни лишь пересказывал от кого-то слышанное, но ниточка потянется... Надо проверить, нет ли в неводе еще золотых рыбок, среди тины и травы морской. Ковач потянулся к пока еще не разобранным сообщениям, но проверить ничего не успел.

Ожил селектор: вернулась группа Кирилла Званцева, только что пересекла периметр.

* * *

БТР подкатил к штабу.

Левое крыло здания занимала медчасть (Ковач подозревал, что медицинские проблемы Полковника сыграли не последнюю роль в принятии решения о такой не совсем обычной плацировке).

Не сбавляя скорость, бронированная машина миновала главный вход и проехала прямиком к владениям Рымаря. Значит, не все прошло гладко, есть раненые... Мадам Званцева картино всплеснула руками и посеменила за БТР. Форма вольнонаемной – тот же камуфляж, но без погон и знаков различия – смотрелась на ее дородной фигуре, как седло на корове. Следом за мадам потянулись и остальные немногочисленные встречающие.

Малой первым выпрыгнул из распахнувшегося бортового люка. Г-жа зампотыл облегченно выдохнула и потеряла интерес к тому, как выгружаются остальные, – сыночек цел, а прочее не так уж важно.

Ковач, наоборот, напряженно всматривался, гадая: кого зацепило? С Малым отправились семеро, и все из старой гвардии, потеря любого станет незаменимой.

Нет, все вроде на ногах, перевязанных тоже не видно... Для чего тогда БТР так эффективно подкатил к медчасти? Вскоре особист понял, для чего. Вернее, для кого... Понял, когда из недр бронемашины показались носилки.

Она, «подтощалая мартышка», узнал Ковач, хотя видел привезенную девушку лишь на кадрах не самого лучшего качества. Молодец пацан, добился-таки своего, – рисковал, конечно, и людьми рисковал, и техникой, но добился. Это лучше, чем осторожность его папаши, к старости усилившаяся сверх всякой меры. Игры пошли такие, что, не рискуя по высоким ставкам, можно в итоге проиграть все...

Признаков жизни пленница не проявляла, но ее запястья и лодыжки стягивали ремни.

– Займись ей срочно, дядь Сережа, – сказал Рымарю Малой, в общении со старой гвардией демонстративно игнорировавший уставные обращения. – Кишки мне выпустить пыталась и по голове получила не слабо. Череп вроде цел, но в себя не приходит.

– Голову сейчас посмотрю, – пообещал Рымарь. – Но потом ее вниз надо, поближе к лаборатории и всему прочему. Нету здесь условий ей всерьез заниматься.

Он был прав. Та медчасть, что наверху, – по большому счету фельдшерский пункт для мобилей, которых без особой нужды старались под землю не допускать. А мутантам вниз вообще дороги не было. Лишь изредка делались исключения для клиентов Рымаря, и для каждого случая требовалось специальное разрешение Особого отдела.

– Вы ведь не против, господин майор? – официальным тоном уточнил доктор у Ковача, хотя были они, разумеется, на «ты».

– Не против, не против… Распоряжусь.

Позже он не раз пожалел об этом своем решении.

Глава 4

Народ и его слуги (короткая рокировка черных)

Они пришли впятером. Вся Лизкина гоп-компания, лишившаяся Лизки.

Стояли снаружи, у крыльца, переминались с ноги на ногу и не знали, с чего начать.

Попробовал начать Чупа. Но с речью его сегодня что-то случилось: легкое заикание, обычно почти незаметное, стало гораздо сильнее.

– З-з-з-наешь, М-м-м-марьяш... т-т-т-тут эта... в-в-в-в-в-в... – На очередном слове у него окончательно заело, и он отпасовал мяч приятелю: – Д-д-дрын, т-ты с-с-сам...

Дрын поскреб свою раннюю лысину, покрытую пятнами лишаев, и не стал тянуть резину, бабахнул, как в лоб из обреза:

– Лизу кровососы схватили. Вот.

Они не подозревали, что Марьяша все уже знает. Сестры никогда не афишировали связь между их головами, впервые проявившуюся в раннем детстве. К тому же поначалу сами не понимали, что такая связь существует, да и работала она по малолетству слабо. Например, если гулявшую вдали от дома Лизку кто-то обижал или колотил, у Марьяши, предпочитавшей держаться рядом с матерью, резко портилось настроение. Ну так мало ли от чего оно может испортиться...

Резкий и неожиданный скачок способностей произошел года четыре назад, когда у сестер синхронно случились первые месячные. Они кое-как разобрались в новых своих умениях (не до конца, конечно же, многое еще предстояло освоить), – и Лизка в первом же их состоявшемся мысленном разговоре ультимативно потребовала: «Не смей никому говорить! Застебут наши недоделки, скажут, что один ум у нас на двоих. По половинке, типа, у каждой. Охота тебе полуумной прослыть?»

Марьяша с ней согласилась. Хотя руководствовалась совершенно иными соображениями. В книжках, что она читала, ничего похожего у *нормальных* людей не встречалось. Значит, уродство... Никому не видимое, сидящее глубоко внутри, но все же уродство. А она-то, дура, гордилась, что все у нее по-правильному, все как у нормальных: и глаза два, и сисек две, и остальное все на месте и в комплекте... Украдкой поднималась на чердак, раздевалась там догола, сравнивала свое тело с картинками в анатомическом атласе, лежавшем в дедовом сундуке, убеждалась: да, она нормальная, в отличие от почти всех вокруг... И тут вдруг вылезло **ТАКОЕ**. Лучше помолчать... К тому же общество вполне может обнаружившийся талант себе на службу мобилизовывать: разлучат сестер, будут использовать как живые рации... А она, Марьяша, не рация. Она человек.

В общем, скрывали, не говорили даже родителям. Хотя мать, похоже, в последний год перед гибелью о чем-то таком догадывалась... А Гунька знал точно. Но никому не рассказывал и не расскажет, на все происходящее наяву ему глубоко наплевать.

В результате Марьяша и сегодня никому не заикнулась о том, что произошло с сестрой пару часов назад, во время судилища. Спросят ведь первым делом: «Откуда знаешь?» – и что ответить? Мол, скрывали мы с сестрой много лет от общества свои умения? За такое, между прочим, могут крысятницей объявить и в Колодец наладить...

Теперь рассказать можно всем. Не об умениях – о схваченной Лизке. Отцу в первую очередь... Он, конечно, отморозок, но дочерей по-своему любит и порвет за них любого.

* * *

Ирка-давалка уже ушла, получив свое. А папаша не то при ее помощи прикончил канистру со свекольным первачом, не то добил потом в одиночестве, – и напрочь отрубился.

Марьяша тряслася его, хлопала по щекам, терла уши – все впустую. Открывал на миг глаза, мычал что-то невразумительное – и снова в отключку.

Парни наперебой начали советовать проверенные способы пропретрзования. Отцы у всех пили крепко, да и матери прикладывались. Жизнь вокруг такая, что если пропретрзовать и над ней призадуматься, то или в петлю лезь, или поскорее самогонкой залейся. Но так жили представители старшего поколения. Молодые другой жизни не знали, не ведали, считали эту нормальной – и квасили не в пример меньше родителей.

Поднимать папашу на ноги народными способами Марьяша отказалась. Даже если поднимут, какой с него прок, с такого синего... Сказала решительно:

– Пошли в управу. Расскажем все.

– А толку-то им рассказывать? – скептически спросил шестипалый Жуга.

– Они же власть... слуги народа. За людей должны вписываться, а как иначе-то? Для чего их общество назначало?

И Лизка, и ее сотоварищи власть всегда недолюбливали. Было за что, порой получали плетей за свои художества.

– Говно нынче у нас, а не власть, – припечатал Дрын. – Вот Мартын-смотрящий правильным человеком был. А нынешний... При нем таимся за болотами, как мандавошки в волосне, высунуться боимся.

Во многом он был прав: не герой новый смотрящий Семен, совсем не герой.

Марьяша выдвинула новый довод:

– Судья еще не уехал, если он прикажет – все мужики пойдут Лизку выручать.

Сказала – и тут же сама себе не поверила. Ходили как-то раз к Базе, и чем все закончилось?

– Х-х-х-хе... – начал было Чупа и опять застрял, махнул в расстройстве рукой и смолк.

– Хер Судья прикажет ему пососать, – вольно перевел Дрын попытку приятеля. – Думаешь, за кровососа пойманного нам хоть спасибо сказали? Ага, щас. Сами плетей едва не получили от судейских щедрот. Дескать, мы кровососов... как же он, хер безглазый, это назвал...

– Про-во-ци-ру-ем, – по слогам подсказал Хрюнчик, книжек он не читал, не имел такой привычки, но длинные и красивые слова коллекционировал, старательно запоминал и использовал в разговорах, но зачастую не к месту.

– Во-во... – кивнул Дрын. – Не подвиг, мол, совершили, а только обществу поднасрали.

– Так это вы?! – изумилась Марьяша. – Вместе с Лизой?

– А кто еще-то? Мы и броневик бы ихний захватили, уже придумали как... Сегодня должны были захватить, все готово было. Но они первыми успели, место нашей ночевки под утро обложили, ну и вот...

– И почему же вы все целые и вольные, а Лиза в лапах у кровососов? – напрямик спросила Марьяша. – Как оно так вышло? Бросили ее, а сами ноги унесли?

Все пятеро возмущенно загаддали, перебивая друг друга. Даже Щюлка, толком говорить не умевший, пытался что-то угукать своим маленьким круглым ртом, напоминавшим присоску пиявки.

История складывалась примерно такая.

Нет, никого они не бросали и никуда не бежали, да и некуда оказалось бежать, окружили их со всех сторон. Они дрались, они отстреливались, пока оставались патроны. Кровососов было совсем немногим больше, чем их, но Марьяша сама знает, как стреляют кровососовы

тарахтелки и как эти гады боеприпасов не жалеют. У них тоже автомат был, трофеиный, но всего один, и патронов к нему не так чтоб много. А тут еще здоровенный пулемет с броневика ударили, и совсем тухо стало: от его пуль даже за самым толстенным деревом не спрячешься, насеквоздь прошибают.

В общем, перемочить могли их всех, и очень быстро. Но не стали. Не хотели, видать, – огнем заставляли в землю вжаться, а сами все ближе подбирались. Не иначе как затеяли живыми взять. Они не давались, стреляли, не подпускали. Потом патронов почти не осталось, по одному, по два на каждого, кто с ружей да с карабинов палил, а для автомата с половину рожка в лучшем разе... Лиза тогда прорыв затеяла. Все понимали: не уйдут, там и полягут. Но лучше так, чем кровососы на своей Базе проклятой заживо потрошить начнут, в требухе копаться и прочую внутренность изучать.

Изготовились в разные стороны побежать, вдруг да повезет кому, удастся с пулей разминуться... Но не успели. Кровососы стрелять перестали, в матюгальник начали орать: дескать, если девушка им сама сдастся, без оружия выйдет, то остальных не тронут, дадут уйти. А девушка с ними одна была, Лиза.

– И вы ее отдали кровососам, – нехорошим голосом произнесла Марьяша, прикидывая: если приказать Бобе, одолеет ли этих пятерых? По всему получалось, что одолеет.

– Никого мы не отдавали! – возмутился Дрын. – Сама к ним пошла. Но не сдаваться, разве ж она когда сдается?

Дальше он рассказывал один, остальные согласно кивали.

Лиза, по его словам, оставила автомат Жуге, а в ботинок ножик спрятала – и почапала к броневику. Там всего двое кровососов было, может трое, а остальные с других сторон стерегли. Уходя, своим сказала, чтобы прорывались, когда она дошагает и гадов резать начнет... Нельзя, мол, кровососам верить: как ее повяжут, так и остальных прикончат, никого не выпустят. Назначила, где встречаться потом, кто уцелеет. И она, если все пучком у нее сложится, тоже туда подтянется. Видать, не сложилось... Дрын и его приятели не видели, что у броневика случилось. Они рванули, как было договорено. А кровососы-то, странное дело, стрелять не стали, всем дали уйти. Одна только Лиза к месту встречи не пришла...

– Вот так все было, Марьяш, – подвел итог Дрын. – Могли бы мы там все полечь, да хер ли в том толку? А так, если сразу кровососы Лизу не зарежут, мы спасти ее сможем.

– Спасти? С Базы? Не смеши... Туда ополчение с десятка деревень даже подступиться не сумело. А вы, значит, впятером придете и спасете?

Она совсем недавно говорила Бобе нечто схожее: пойдем и спасем, – но то было по горячке, не пришла в себя от шока. Нет, все же надо сходить к Судье, пока тот не уехал. Новый поход на Базу, понятное дело, никто из-за Лизки не объявит, но вдруг и вправду состоится обмен пленными, на который намекал Проня? Тогда непременно нужно вписать сестру в список тех, кого обменяют на кровососа. Это ж вам не мобиль захваченный, чтобы голову на голову сменять...

Дрын упрямо наклонил плешилую башку, зыркнул исподлобья. Сказал твердо:

– Спасем. Но не впятером. Если ты, Марьяша, нам поможешь, так вшестером точно спасем.

* * *

Смотрящий Семен квартировал при управе. Или, если глянуть по-другому, выделил под управу три комнаты в своем новом и большом, всем обществом построенном доме. В любом случае народному слуге далеко ходить к месту служения не приходилось.

Она пошла туда одна, Дрын и остальные не захотели больше иметь дело с «говном, а не властью». Вернее, большую часть пути отшагали вместе с ней, спорили, пытались убедить в

своей правоте: самим, все самим надо делать, а на Судью понадеешься – Лиза, считай, покойница.

Марьяша в ответ им пыталась растолковать, что она не Лиза, хоть лицом и схожа: драться не умеет, стрелять не умеет, по лесу ходить не умеет, ну куда ей с кровососами воевать?

Короче, друг друга они не убедили, и парни к управе не пошли, остались в отдалении поджидать, чем дело закончится.

Перед тем как зайти, Марьяша попыталась восстановить оборвавшуюся связь с сестрой, разузнать, что с той и как. Не удалось. Или Лизка оставалась без сознания, или… О другом «или» даже думать не хотелось.

…Смотрящий трапезничал в компании Судьи, хранителя Выры и четвертого, Марьяше незнакомого. Здесь же была и Матрена-сухоножка, но ее за стол не звали, она сновала между кухней и горницей, приносила новые блюда, убирала грязные тарелки и опустевшие бутылки. Где Семенова жена и их дочери, отчего не они обслуживают застолье, Марьяша не стала озадачиваться. Есть проблемы поважнее.

Начало лета – время не самое сытное, старый урожай почти съеден, до нового еще долго. Но смотрящий расстарался, поляну накрыл роскошную. Мясо такое и мясо этакое, рыба, овощи, разносолы всех видов… В бутылках не мутноватое свекольное пойло – самая настоящая водка, прозрачная как слеза. Этикетки, фирменные пробки, все дела… Попадал этот напиток в Затопье в самых малых количествах от кровососов – от кого же еще – не напрямую, через посредников, через жителей замиренных деревень, ездавших к Базе на тамошний рынок. Стоила водка столько, что причащались ею местные любители кирнуть крайне редко, получив бутылку-другую как премию от общества за какие-нибудь выдающиеся заслуги. Видать, эти четверо ни времени, ни сил, ни крови своей для общества не жалеют, вон сколько уже выла-кали…

Еще на столе хватало Матрениных пирогов, разных видов и с разными начинками, причем пирующие ими не пренебрегали. Марьяша поняла, что надо побыстрее решать вопрос и уходить, пока кишечники смотрящего и его гостей не сдетонировали от Матрениной выпечки, а то ведь вскоре не прдохнуть в горнице будет.

Она начала объяснять, с чем пришла, но Семен махнул рукой:

– Да знаем мы уже, Марьяха, что с сестрицей твоей стряслось, о том и tolкуем… Ты пока присаживайся, выпей, закуси… Матренка! Подгони-ка тарелку чистую, да стопку, да поживее! Шевели задницей подтощалой, шевели!

С Марьяшой тем временем приключился внутренний разлад. Желудок при виде заваленного снедью стола вспомнил, что ничего в нем не было со вчерашнего вечера, и требовал немедленно присоединиться к застолью. Разум же возражал: неправильно тут с ними пировать, пока другие последнюю гнилую картошку доедают да хлеб не пойми из чего пекут, из остатков муки, в амбара подметенных, с мышиным деръемом пополам…

Марьяша, в виде исключения, приняла сторону желудка. Оправдывалась перед собой тем, что в нынешних ее обстоятельствах не с руки смотрящему с порога перечить и от его угощения нос воротить. Она осторожно присела на самый кончик лавки, где уже сидел незнакомый мужчина. Был тот в годах, дородный, грузный, носил длинные волосы и бороду, тоже приличной длины.

– Молодца, не чинишься, старицкой компании не чураешься, – одобрил смотрящий, сально улыбаясь. И самолично набулькал Марьяше водки.

Была у смотрящего Семена такая особенность. Когда заговаривал о чем-то с Марьяшой (не часто, но случалось), то слова говорил вроде правильные, какие надлежало в тот момент говорить. Но улыбался при этом так, словно думал совсем о другом, словно представлял, как завалит Марьяшу, задерет ей подол, и… Ну, в общем, как Проня сегодня на пустоши. Может быть, она все навыдумывала, но казалось именно так.

– Ты ведь понял, отче, – обратился смотрящий к волосато-бородатому незнакомцу, – что это сеструха геройни нашей новопреставленной… Даже близняшка, во как. Так что будет с кого икону написать.

– Правильных понятий девица, – одобрительно пробасил бородач, искоса глянув на Марьяшу. – Себя блюдет, простоволосой и в штанах не шляется.

Девица правильных понятий не понимала ничего. Ну то есть абсолютно. Что за «отче»? Поп, что ли? Почему тогда без креста, без рясы? Попов она отродясь не видела, повывелись попы как-то, но в книгах о них читала. Но это все ладно, поп не поп, хрен с ним, – но почему смотрящий Лизу назвал «новопреставленной»?! Или «новоприставленной»? На слух поди различи, но это ведь вроде свежепомершая, нет? Уже в мертвые ее записали? Не рановато ли?

Как бы поп тем временем со смаком залил в себя содержимое большой граненой стопки (из кружек здесь не пили, все по высшему разряду), в два укуса умял Матренин расстегай, потянулся за другим… Марьяша отодвинулась бы подальше, представляя, что с тех расстегаев скоро начнется, – но и без того сидела на самом кончике лавки.

– Что, девка, голова разом вспухла от услышанного? – обратился к ней Судья. – Большое дело мы затеваем и важное. У многих в мозгах смятение случится, зато потом по-другому станем жить, по-правильному.

Он тоже ухватил со стола стопку – уверенным движением, как зрячий. Черная повязка, пересекавшая лицо Судьи, сбилась чуть выше обычного, и, наверное, он мог бы видеть из-под нее, что и где стоит на столе, если бы имел глаза. Но глаз-то не было, и Марьяша в очередной раз подивилась координации движений слепца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.